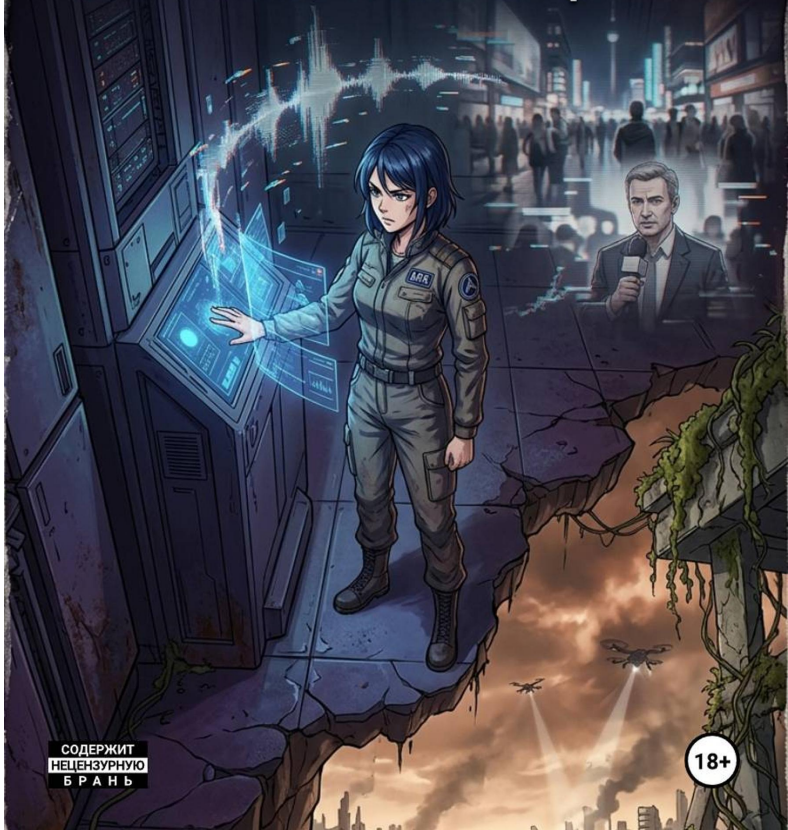

Голос из мёртвого будущего

Конюшенко Егор

СОДЕРЖИТ
РЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Конюшенко

Голос из мёртвого будущего

<https://litres.ru/74056124>

SelfPub; 2026

Аннотация

2049 год. Смертельный вирус «Химера-7» стёр с лица Земли 97% человечества. Группа выживших учёных в бункере «Ковчег» находит способ отправить предупреждение в прошлое — журналисту Алексею Градову. Каждое послание меняет реальность, но почему с каждой отправкой мир становится только хуже? И можно ли остановить катастрофу, не уничтожив последний шанс человечества?

Содержание

Глава 1. Голос из мёртвого будущего	4
Глава 2. Ковчег	19
Глава 3. Сигнал	39
Глава 4. Поиск адресата	55
Глава 5. Бостон	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Голос из мёртвого будущего

Глава 1. Голос из мёртвого будущего

2044 год. Нью-Йорк, Штаб-квартира ООН

Мир к тому времени уже не был единым. Он раскололся на два гигантских блока, которые держали планету в ежовых рукавицах.

Первый — Альянс. В него входили США, страны Западной Европы, Япония и Австралия. Формально — защитники демократии и свободного рынка. На деле — военно-политический блок, который контролировал финансовые потоки, технологии и большинство торговых путей. Их ставка была на высокоточное оружие, кибернетику и биомедицину.

Второй — Консорциум Востока. Россия, Китай, страны Центральной Азии и несколько государств Юго-Восточной Азии. Они называли себя «справедливым противовесом» и делали упор на автономные технологии, генетику и биоинженерию. Их главный козырь — секретные лаборатории, где создавались штаммы, способные перекраивать саму структуру ДНК.

Причина войны была простой: нефть закончилась. Но не в том смысле, как в старых учебниках. Нефть как ресурс ушла

в прошлое. На смену ей пришли редкоземельные металлы, биоматериалы и — главное — генетические коды. Кто владел уникальными ДНК-последовательностями, тот мог создавать лекарства, вакцины и оружие. И каждый блок хотел создать «биологическую монополию».

Альянс и Консорциум не воевали открыто — во всяком случае, на суше и на море. Они воевали в пробирках. Холодная война перешла в горячую фазу, которая не гремела взрывами, но кипела в микроскопах.

Заседание Совета Безопасности проходило за закрытыми дверями. Свет софитов отражался от лакированных столов, падая на лица людей, которые ещё не знали, что их мир уже обречён.

За столом сидели двое. С одной стороны — представитель Альянса, седой мужчина в строгом костюме, с уставшими глазами и руками, сложенными на столе в замок. С другой — представитель Консорциума Востока, моложе, с чёрными волосами, зачёсанными назад, и с лёгкой, почти незаметной усмешкой на губах.

— Телеметрия из Новосибирска, — начал представитель Альянса. Голос был тихим, но в тишине зала каждое слово звучало как выстрел. — Тепловые сигнатуры совпадают с параметрами «Химеры». Вы закончили испытания.

— У вас хорошие спутники, — лениво ответил представитель Консорциума. — Но данные могут быть искажены.

Помехи, ошибки...

— Не прикидывайтесь. Мы видели отчеты. «Химера-7».

— Хорошо. Видите. — Мужчина наконец поднял глаза.

— А вы думаете, мы не видим, что творится в ваших лабораториях в Неваде? Проект «Молот». Целевое поражение по этническим маркерам. Это этично?

Представитель Альянса сжал челюсти.

— Речь не об этике. Речь о том, что вы выпустили джина из бутылки. «Химера» не различает паспортов. Она вырвется — и сметет всё.

— Ваш «Молот» тоже не подарок. Вы просто хотите сохранить монополию, прикрываясь спасением человечества.

— Я предлагаю стоп, — резко перебил его представитель Альянса, наклонившись вперед. — Заморозка программ. Совместный контроль. Инспекции. Прямо сейчас.

— Заморозка? — В голосе собеседника звякнул металл. — Серьезно? Вы год форсировали разработки. Мы отвечали тем же. И теперь вы хотите, чтобы мы поверили вам на слово? «Остановитесь, а мы посмотрим»?

— Я предлагаю механизм. Протокол.

— Поздно было год назад, — отрезал представитель Консорциума. Он откинулся на спинку кресла. — Поезд ушел. Теперь вопрос не в том, кто остановится первым. А в том, кто успеет нажать кнопку до того, как это сделает другой.

— Вы называете это войной?

— А что это, по-вашему? Мирные переговоры? — Он

усмехнулся, но в глазах не было веселья. — Наши солдаты не носят форму. Наши поля сражений не видны со спутников. Но если мы остановимся — вы ударите. Мы не доверяем вам. Вы не доверяете нам. Круг замкнулся.

В зале повисла тишина. Слышно было только гудение вентиляции. Представитель Альянса долго смотрел на оппонента, потом медленно собрал бумаги.

— Мы об этом пожалеем, — сказал он тихо, скорее себе, чем собеседнику. — Я внесу в протокол: мы пытались.

— Пишите что хотите, — представитель Консорциума даже не шелохнулся. — Историю пишут победители. Остальное — пепел.

Они разошлись, не пожав рук. Это была последняя попытка. После неё гонка только ускорилась.

Они не знали, что «Химера-7» выйдет из-под контроля. Не знали, что она не будет различать «своих» и «чужих». Не знали, что через пять лет от этих лакированных столов останется только пепел.

2048 год. Томск, Россия. Лаборатория «Биофронт»

Доктор Ханс Вебер стоял у микроскопа. Его пальцы, в перчатках из тонкой резины, аккуратно поправляли предметное стекло. На столе рядом лежали распечатки — спирали ДНК, помеченные кодовым названием «К-7». «Химера-7».

Он создал его. Генетически модифицированный вирус,

который активировался только в присутствии определённых биомаркеров. Теоретически — идеальное оружие. Бьёт только по тем, у кого есть этот маркер. На практике — это была бомба.

— Доктор... — Голос за спиной дрожал. Молодой лаборант стоял, вцепившись в папку побелевшими костяшками. — Мутация. Штамм... он меняется сам. Мы не можем предсказать поведение даже на неделю вперед.

Вебер не обернулся сразу. Закончил запись в журнале.

— Протокол карантина, — сказал он наконец. Голос был ровным, без эмоций.

— Но, доктор...

— Никто не входит. Никто не выходит. Выполнять.

Лаборант кивнул и выбежал. Вебер остался один, глядя на микроскоп. Он не думал о том, что создал оружие массового поражения. Он думал о славе. О деньгах. О том, что его имя войдёт в историю.

Он думал, что всё контролирует.

Он ошибался.

15 марта 2049 года. Вашингтон, Пентагон

Человек в гражданском костюме сидел за столом. Перед ним лежал документ с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». На обложке было написано: «Протокол Чистоты».

Он читал его уже третий раз.

— Значит так, — он не поднял глаз. — Запускаем «Химе-

ру» по графику. Ускоренная программа. Пока она не стала управляемой окончательно.

— Сэр, — офицер у стены переступил с ноги на ногу. — В отчёте чёрным по белому: вирус нестабилен. Контроль над жертвами... его не будет.

— Мы должны опередить их, — жестко ответил человек в костюме. — Консорциум знает, что мы в курсе. Они не остановятся. Либо мы нажмём кнопку, либо они нажмут за нас.

Он подписал бумагу. Чернила ещё блестели, когда зазвонил телефон на соседнем столе. Секретарь снял трубку, послушал секунду, и лицо его стало серым.

— Сэр... — голос в трубке транслировался на динамик, он дрожал. — Томск. Лаборатория «Биофронт». Утечка.

Человек в костюме замер. Ручка медленно выскользнула из пальцев и стукнула о стол.

— Когда?

— Час назад. Комплекс в карантине. Первые случаи в городе. Летальность... сто процентов.

Весна-осень 2049 года. Апокалипсис

Вирус распространялся быстрее, чем новости о нём. По воздуху, по воде, через прикосновения. Он не щадил никого. Ни женщин, ни детей, ни стариков. Летальность — 97 процентов. Каждый, кто заражался, умирал в течение трёх дней.

Элина Соколова, физик-теоретик, сидела в своей лабора-

тории в Мюнхене, когда по радио прервали выпуск новостей. Диктор закашлялся. Закашлялся. Закашлялся — и пропал.

Она смотрела на приёмник, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Рядом с ней сидел Марк Торрес — компьютерный гений, с которым они работали над проектом «Гелиос». Он был бледен, его глаза не отрывались от шипящей колонки.

— Что делаем? — спросил он. Голос сорвался.

— Не знаю, — ответила Элина. Она сжала кулаки, чтобы они не дрожали. — Но сидеть и ждать мы не будем.

Октябрь 2049 года. Восточная Европа, руины города

Элина, Аркадий, Марк, Свен и Ингрид пробирались через завалы. На их пути попадались тела. Люди умирали на улицах, в машинах, на порогах собственных домов. Запах разложения стоял в воздухе, смешиваясь с вонью гари и химикатов.

— Нужно укрытие, — хрипло сказала Ингрид. Биолог, глаза красные от недосыпа. — Старый бункер. Там запасы.

— Он запечатан, — буркнул Свен. Инженер, огромный, в пыли с ног до головы. — Но ключи найду.

— Ищи.

Они добрались до входа, когда небо уже темнело. В тусклом сумеречном свете бетонные стены бункера казались серыми, как лица мёртвых. Свен набрал код. Механизмы ожи-

ли с глухим гудением — старые, но работающие. Дверь открылась.

— Заходим, — сказал Свен. — Есть воздух. И «Гелиос»

Декабрь 2049 года. Бункер «Ковчег»

Они замкнулись в бетонной могиле. Двенадцать человек. Двенадцать учёных и инженеров, которые успели добраться до убежища. Остальные — либо погибли, либо бродят по руинам, охотясь за последними банками тушёнки.

Запасы: тридцать две банки консервированной фасоли. Пятьдесят литров воды. И квантовый компьютер «Гелиос-4».

Аркадий Воронов, старый физик, держал в руках распечатку с формулами и часами вглядывался в неё. Его лицо, изрезанное морщинами, выражало странную смесь надежды и отчаяния.

— Можно отправить сигнал, — сказал он. Не вопрос. Утверждение. — В прошлое. Не людей, только данные. Предупреждение.

— Кому? — Марк потер лицо. — Нужен адресат. Человек с нужным резонансом.

— Найду, — Аркадий посмотрел на него поверх очков. — Готовь машину.

Они работали сутки. Настраивали «Гелиос», вводили координаты времени, готовили текст послания. Наконец, когда силы почти кончились, Марк нажал на клавишу.

«Гелиос-4» взвыл. На мониторе загорелась надпись: «ОТПРАВКА. СИГНАЛ УШЁЛ».

— Всё, — прошептал Аркадий.

Элина смотрела на белый шум монитора.

— Надеюсь, ты прав, — тихо сказала она. — Иначе мы просто потратили последние киловатты.

Кашель ударил в грудь, вырывая Элину из сна. Горло саднило, воздух казался вязким. Она открыла глаза, чувствуя, как сердце колотится в рёбра. В каюте пахло застоявшимся потом, карболкой и кисловатым духом людей, которые слишком долго спят в плохо проветриваемом помещении. Вентиляция снова сбоила, и лопасти под потолком еле вращались, лишь перемешивая пыль вместо того, чтобы подавать кислород.

Она села на узкой койке. Панцирная сетка под матрасом жалобно скрипнула. Сплюнула в ржавую раковину, приделанную к стене на двух кривых болтах. Слюна была мутной, с бурыми прожилками. Она привыкла к этому. Лёгкие тридцатичетырёхлетнего физика-теоретика не были созданы для жизни в бетонном гробу.

Часы на запястье показывали 06:14. Утро. Или ночь. В «Ковчеге» разница не существовала. Светодиодные панели на потолке горели круглые сутки с одинаковой мёртвенной бледностью.

Элина натянула комбинезон с чужого плеча. Её собствен-

ный истлел в первые недели. Молния заела на уровне груди — она дёрнула её с тихим, злым шипением.

Она открыла железную дверь. Петли заскрипели. В коридоре стоял запах горелой изоляции — где-то на уровне «С» коротнуло проводку в третий раз за месяц.

— Доброе утро, Эли, — пробормотала она себе под нос. — Опять веселье.

Первым делом — учёт. Ритуал, её чётки, способ убедить себя, что они ещё контролируют ситуацию. Она прошла в бывшую серверную, переоборудованную под склад. Здесь было холоднее, пахло плесенью от трубы в углу.

Ящики стояли рядами, подписанные химическим маркером. Она сдвинула крышку первого. Консервированная фасоль. Банки лежали ровными рядами.

Тридцать две банки. Двухсотграммовая порция на двенадцать ртов — три недели. Урезать до половины банки в день — пять недель. Но тогда люди потеряют силы даже дойти до сортира.

С водой было хуже. Два пластиковых куба по двести литров. Один пуст, во втором — чуть больше половины. Десять дней.

Она потрогала влажной ладонью холодный пластик. Конденсат.

Откуда-то из лабораторного блока доносился гул. Квантовый компьютер «Гелиос-4». Элина ненавидела этот звук. Не сам гул, а то, что он означал: Марк Торрес снова не спал.

Она заглянула в лабораторию. Там горел оранжевый полумрак аварийного освещения. Марк сидел на корточках перед открытой панелью компьютера, его спина, обтянутая грязной футболкой, была напряжена. Вокруг стояли пластиковые вёдра с водой. В руках он держал самодельный вентилятор из куска жести и мотора от старого кулера.

— Дышит? — спросила Элина, прислонившись к косяку. Марк вздрогнул.

— Сдыхает, — буркнул он, не оборачиваясь. — Криогенка потекла. Азота нет. Ещё пара градусов, и кубиты посыпятся. Останется груда металла.

— Ты не спал двое суток.

— Выплюсь, когда сдохнем, — отрезал он. Наконец повернулся. Под глазами синяки. — Если «Гелиос» встанет, мы превратимся в обезьян с консервами. Это единственное, что нас отличает.

Элина ничего не ответила. Она знала, что он прав.

Через час она стояла на перекрёстке третьего уровня, ожидая Свена. Инженер появился из темноты бесшумно. Он был огромен — метр девяносто, плечи как у штангиста, в бороде седина, хотя ему едва перевалило за тридцать пять. В руках он держал разводной ключ и рулон изоляции.

— Вентиляция? — спросил он.

— Дышать нечем.

— Мы и так дышим через раз, — заметил Свен, но дви-

нулся к лестнице.

Лестница была крутой и узкой. Металлические ступени звенели. Чем выше они поднимались, тем сильнее становился запах. Не канализация — она работала исправно, бункер строили как бомбоубежище для высших чинов. Это был сладковатый, тошнотворный дух разложения.

На предпоследней площадке Элина остановилась. Луч напольного фонаря выхватил из коридора груды тряпья, прислонённую к стене.

Груда была человеком.

— Свен, — тихо сказала она. Он уже сам замер, перехватив ключ.

Они подошли ближе. Охранник. Бывший охранник. Его звали Влад, кажется. Элина не помнила точно — он был из вспомогательного персонала. Он сидел, привалившись к холодной стене, голова неестественно запрокинута. Пулевое отверстие во лбу было аккуратным, почти хирургическим.

— Две недели, — оценил Свен, присев. — Мародёры были в ту ночь. Влад попался первым.

Элина смотрела на раздувшееся, почерневшее лицо. Она чувствовала не ужас, а холодную злость. На то, что труп пролежал здесь две недели, отравляя воздух. На то, что они, занятые своей квантовой физикой, забыли проверить дальние коридоры.

Она опустила на колени и разжала скрюченные пальцы мертвеца. Под правой рукой лежал пистолет «Глок-17». Пол-

ный магазин. В разгрузке — ещё три магазина. Пачка сигарет, размокшая от трупных жидкостей.

— Тупые, — констатировал Свен. — Патроны не взяли.

— Или не заметили в темноте, — Элина вытащила пистолет, передёрнула затвор. Металл блеснул в луче. — Нам пригодится.

Она сунула пистолет за пояс. Магазины — в карманы. Смерть Влада давала им шанс прожить чуть дольше. Хороший обмен. Так они теперь думали.

Вентиляцию починили за сорок минут. Свен заменил сгоревший предохранитель на «жучок» из проволоки, и лопасти под потолком загудели. Воздух стал чуть менее мёртвым.

В столовой их ждали. Длинное помещение с низким потолком, пластиковые столы, которые помнили вечеринки в каком-то офисе наверху. Аркадий Воронов, самый старый из выживших (шестьдесят четыре), сидел в торце стола, опершись на трость. Все остальные уже собрались. Марк мял пустую кружку. Ингрид, биолог, нервно покусывала ноготь. Лукас, молодой техник, смотрел в одну точку на стене, где когда-то висел календарь с видами Альп.

— Труп на четвёртом, — сказала Элина, садясь. — Влад. Нужно убрать.

Ингрид поморщилась, но промолчала. Аркадий кивнул медленно.

— Это подождёт, — голос у старика был твёрдый, удиви-

тельно для его лет. — Есть новости важнее.

Он обвёл всех взглядом.

— Снаружи мёртво. «Химера» забрала девяносто процентов. Но... — он сделал паузу. — У нас есть один шанс.

Тишина стала плотной.

— Послать данные в прошлое, — продолжил Аркадий. — Сигнал. Биты. Предупредить тех, кто был в 2048-м.

— Теория красивая, — сказала Элина. — Но нужны ресурсы. Времени нет.

— Время — единственное, чего у нас в избытке, — возразил Воронов.

Марк вскочил.

— Я могу настроить «Гелиос» на флуктуации! — выпалил он. — Если найти человека с нужным следом... Элина, это шанс! Исправить всё!

— Или сделать ещё хуже, — тихо сказала Элина.

Она почувствовала холод металла на бедре. Пистолет. Реальный, в отличие от их надежд.

Аркадий улыбнулся. Редко, но улыбнулся.

— Элина, — мягко сказал он. — Хуже уже некуда. Мы в дерьме по уши.

Она подумала о воде. О фасоли. О кашле в коридорах.

— Ладно, — выдохнула она. — Попробуем.

И где-то глубоко в недрах квантового компьютера, за миг до того, как Марк нажал первую клавишу, микроскопическая частица, замороженная в эхе рождения Вселенной,

дрогнула. Будто кто-то уже пытался что-то сказать им из далёкого будущего. Но сигнал был пуст. Только шум.

Глава 2. Ковчег

Ужин в «Ковчеге» проходил ровно в 19:00, и это был единственный момент, когда люди напоминали не призраков, а людей. Запах разогретой фасоли плыл по столовой, смешиваясь с вонью невымытых тел и дезинфекции. Этот запах был почти домашним — если забыть, что снаружи никто не готовил ужин и не садился за стол.

Элина сидела на своём обычном месте — спиной к стене, лицом к двери. Пистолет Влада лежал у неё на коленях, прикрытый куском брезента со следами машинного масла и старой крови. Привычка — вторая натура. А в новом мире — недоверие.

Ложки скребли по жестяным мискам. Звук был противный, но все давно перестали его замечать. Марк ел быстро, почти не жуя, глотая фасоль целиком. Глаза красные от недосыпа, пальцы слегка подрагивали — следствие многочасовой возни с перегретым компьютером.

— Нам нужна еда, — произнесла Ингрид.

Она сидела в дальнем конце стола, сторбившись, но не ела — просто водила ложкой по кругу. Лицо, и без того худое, стало напоминать череп, обтянутый кожей. Скулы выпирали, как рукоятки ножей. Биолог лучше всех понимала, что происходит с телом, когда оно начинает пожирать само себя.

— Еды на три недели. Воды на десять дней. Если не сде-

лать вылазку сейчас, через месяц мы будем грызть друг друга. Буквально.

Тишина сгустилась. Ложка Марка замерла на полпути к рту.

— И куда ты предлагаешь идти? — спросил он. — В город? Там мародёры, штаммы, радиация. Ты хочешь, чтобы мы сдохли от пули в затылок?

— Я хочу, чтобы мы попытались выжить, — отрезала Ингрид. — А не играли в бога с твоей железной коробкой.

Ложка Марка с грохотом упала в миску. Брызги фасолевого соуса попали на стол.

— Эта «железная коробка» — наш единственный шанс исправить то, что случилось! — почти кричал он. — Если мы потратим силы на то, чтобы притащить пару банок тушёнки, мы упустим время! Квантовое окно нестабильно!

— Через две недели мы все будем мертвы от голода, — парировала Ингрид. — Мёртвые не отправляют посланий.

Элина подняла руку. Простой жест, но в нём чувствовалась власть, которую она не просила, но которая сама прилипла к ней. Все замолчали.

— Хватит. Вы оба правы. И оба неправы.

Она обвела взглядом сидящих. Двенадцать лиц, двенадцать пар глаз, в которых плескался коктейль из страха, голода и обречённости.

— Мы разделимся. Четверо идут за припасами. Остальные работают над передатчиком. Марк и Аркадий — продол-

жаете эксперимент. Свен, Ингрид и двое техников — идёте на поверхность.

Ингрид кивнула, в глазах мелькнуло что-то похожее на обречённость. Свен молча доедал фасоль. Он всегда был спокойным. Марк хотел возразить, но Элина посмотрела на него так, что слова застряли у него в горле.

— Это не обсуждается. Мы не выживем, если будем драться друг с другом. Только если будем работать вместе.

После ужина лаборатория наполнилась звуками: гул «Гелиоса-4», потрескивание разрядов в старых конденсаторах, шипение самодельного охлаждения из пластиковых трубок и остатков жидкого азота.

Аркадий Воронов сидел в старом кресле с продавленным сиденьем — его личный трон. На коленях — пожелтевший блокнот, исписанный формулами. Руки, покрытые старческими пятнами, дрожали. Не от слабости — от возбуждения.

— Объект готов? — спросил он, не поднимая головы.

Марк стоял у стальной клетки, в которой сидела серая крыса. Она пережила апокалипсис в подвале бункера и была поймана Свеном месяц назад. Крыса не выглядела испуганной — смотрела на Марка чёрными бусинками глаз со спокойным, животным любопытством. Она не знала, что через несколько минут станет первым в истории существом, получившим сообщение из будущего.

— Готова. Лабиринт настроен. Третий поворот налево. В

исходном варианте она всегда идёт прямо.

— Моя теория верна, — перебил Аркадий с раздражением, которое бывает только у старых учёных. — Вопрос в том, сможем ли мы её применить.

Он встал, опираясь на трость, и подошёл к пульту. Мешанина из старых мониторов, тумблеров и самодельных плат. В центре светился экран, на котором бежали строки кода.

— Вводи координаты. Отправляем сообщение «поверни налево в третьем лабиринте» на шестьдесят минут в прошлое. Ровно за минуту до того, как крыса войдёт в лабиринт.

Марк застучал по клавишам. Пальцы летали, несмотря на усталость. Элина стояла в дверях, скрестив руки на груди. Она не верила. Но она хотела верить.

— Отправка через три... две... одну...

Раздался низкий, утробный гул. Лампы мигнули и на секунду потускнели. Крыса дёрнулась и замерла. Усики нервно задрожали.

— Есть контакт. Квантовый пакет ушёл.

Марк подошёл к лабиринту — простому сооружению из прозрачного пластика. Аккуратно пересадил крысу в стартовый отсек. Нажал кнопку таймера.

Крыса побежала. Быстро, приюхиваясь к пластиковым стенкам. Хвост волочился сзади. Первый поворот — направо. Второй — снова направо. А на третьей развилке, где обычно она шла прямо, к сырному запаху, — остановилась.

Элина затаила дыхание. Марк вцепился в край стола так,

что костяшки побелели. Аркадий замер, превратившись в статую.

Крыса повела усами. Дёрнула головой. И повернула налево.

Тишина.

— Получилось, — прошептал Марк. А потом закричал: — Получилось! Аркадий, получилось!

Он бросился к старику и сгрёб его в объятия, едва не опрокинув вместе с тростью. Аркадий крикнул, но улыбнулся — впервые за долгие недели.

Элина подошла к лабиринту. Крыса сидела в левом рукаве и умывалась, словно ничего не произошло. Она только что получила приказ из будущего и восприняла это как должное.

— Мы действительно можем это сделать, — тихо сказала Элина. — Отправить сообщение человеку.

— Можем, — подтвердил Аркадий, поправляя очки. — Но крыса — не человек. Нужен доброволец. С уникальной нейронной архитектурой. И нужно знать, кому отправлять. Это будет сложнее.

— Но возможно, — закончил Марк.

В этот момент на верхнем уровне раздался глухой удар — Свен закрывал внешний люк, готовясь к вылазке. Звук вернул их к реальности.

Поверхность встретила их тишиной.

Свен выбрался первым, протиснувшись через узкий ава-

рийный люк. Воздух — холодный, влажный, с запахом гари и гниющих яблок. Небо — серое, цвета старого свинца. Тучи ползли медленно, почти неподвижно.

За ним выбралась Ингрид, закутанная в старую армейскую куртку, с респиратором на лице. За ней — двое техников: Лукас, молодой парень, и Гюнтер, угрюмый мужчина лет сорока, бывший электрик, умевший вскрывать замки и молчать сутками.

— Движемся на северо-восток, — тихо сказал Свен. — Супермаркет «Кауфланд» в пяти километрах. Там должны быть склады. Если повезёт, найдём консервы, воду, медикаменты.

— А если не повезёт? — спросил Лукас, и его голос дрогнул.

— Тогда вернёмся с пустыми руками и будем жрать крыс, — буркнул Гюнтер и сплюнул на землю.

Они двинулись через пустошь. Земля заросла сорняками высотой по пояс — репейником, полынью и колючками, которые цеплялись за одежду, как пальцы мертвецов. Вдалеке виднелись остовы сгоревших автомобилей, ржавеющих под дождём и ветром.

Ингрид шла, глядя под ноги. Она замечала то, чего не видели остальные: следы шин на грязи — свежие, не старше двух дней. Обрывок бинта с бурыми пятнами. Сломанную ветку на высоте человеческого плеча. Кто-то проходил здесь недавно. И этот кто-то был не один.

Через час они вышли к окраинам города. Здания стояли, как гнилые зубы в челюсти мертвеца — некоторые обрушились, некоторые зияли пустыми глазницами окон. Над руинами висел запах гари.

Супермаркет нашёлся на перекрёстке. Огромное здание из серого бетона. Вывеска выцвела — только «К...ф...нд». Стекланные двери были выбиты.

— Внутри заходим тихо, — прошептал Свен. — Гюнтер, прикрываешь тыл. Ингрид, держись посередине. Лукас — берёшь ящик, если найдём что-то ценное. Увидишь опасность — падаешь и молчишь.

Они вошли. Внутри было темно, хоть глаз выколи. Лучи фонарей выхватывали из мрака пустые полки, перевёрнутые тележки, груды мусора — битое стекло, обрывки упаковки, чьи-то истлевшие ботинки. Пахло плесенью, старой мочой и сладковатым — разлагающейся плотью.

— Полки пусты, — прошептал Лукас. — Всё выгребли.

— Склад в подвале, — отозвался Свен. — Туда не каждый полезет.

Они нашли лестницу. Ступени бетонные, покрытые скользкой плёнкой плесени. Спускались медленно. Внизу — крошечная тьма, которую фонари едва пробивали.

Свен поднял руку.

Из глубины доносился звук. Ритмичный, низкий, прерывистый. Храп.

Свен жестом показал: «Ждите». Сам бесшумно двинулся

вперёд. Ингрид затаила дыхание. Лукас прижался к стене, его лицо было белым, как мел.

Через несколько минут Свен вернулся.

— Трое. Спят вповалку у дальней стены. Рядом оружие — два обреза и винтовка. И ящик минеральной воды.

— Обойдём? — спросил Гюнтер.

Свен покачал головой.

— Заберём воду. Тихо. Я беру ящик, вы прикрываете. Если проснутся — не стрелять, уходим. Нам не нужен бой.

Он снова исчез в темноте. Напряжение звенело в воздухе. Лукас судорожно сжимал рукоятку ножа, и его костяшки побелели.

Прошла минута. Другая. Третья.

Свен появился из темноты, как призрак. В руках — пластиковый ящик с бутылками. Капли конденсата блестели в луче фонаря. Он двигался бесшумно.

— Уходим.

Они поднялись по лестнице, стараясь не скрипеть ступенями. Наверху Ингрид обернулась и посмотрела в черноту подвала. Там по-прежнему было тихо. Мародёры спали и не подозревали, что только что лишились части своих запасов.

Они выбрались из супермаркета и быстрым шагом двинулись обратно. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в грязно-оранжевые тона. Ветер усиливался.

— Всего один ящик воды, — пробормотал Лукас. — На десять человек это капля в море.

— Капля в море лучше, чем сухое горло, — отрезал Свен.
— И лучше, чем три трупа и пуля в спину. Мы вернёмся позже, когда они уйдут.

Ингрид молчала. Она думала о тех троих в подвале. Кем они были до того, как мир рухнул? Продавцами? Водителями? Отцами семейств? Теперь они спали на бетонном полу, охраняя ящик воды, как величайшее сокровище. Она не могла их винить. Потому что сама стала такой же.

Когда люк с глухим стуком закрылся, и запах плесени и машинного масла снова окутал их, Ингрид почувствовала облегчение. Странное, извращённое облегчение — она вернулась в свою бетонную могилу. Здесь, по крайней мере, были стены. И люди, которые ещё помнили, как говорить, а не только рычать.

Элина встретила их в коридоре.

— Вода, — сказал Свен, ставя ящик на пол. — Больше ничего. Мародёры в городе. Много.

— Видели троих, — добавила Ингрид. — Но это только те, кого мы заметили. Там могут быть десятки.

Элина кивнула. Двадцать бутылок по пол-литра. Два лишних дня жизни.

— Марк и Аркадий провели эксперимент, — сказала она. — Отправили сообщение крысе в прошлое. Она его получила и изменила поведение.

Ингрид замерла. Свен поднял брови.

— Это работает?

— Похоже на то. — Элина потерла переносицу. — Теперь нам нужен человек. Доброволец. И адресат в прошлом.

— И еда, — тихо добавила Ингрид. — Потому что никакие послания не помогут, если мы сдохнем от голода раньше, чем найдём этого адресата.

Элина ничего не ответила. Она просто смотрела на ящик с водой, и в её голове крутились две мысли, которые никак не хотели уживаться вместе: «Мы можем изменить прошлое» и «Мы можем не дожить до завтра».

А где-то глубоко в недрах квантового компьютера, в микроскопических колебаниях частиц, замороженных в эхе рождения Вселенной, уже зрело новое послание. Оно пока не знало, кому предназначено. Но оно было там. И оно ждало.

Одно имя, выплывшее из квантового шума. Имя, которого они ещё не знали. Но которое скоро узнают.

Градусов.

Лукас Вайс, двадцатидвухлетний техник из Мюнхена, в прошлой жизни увлекался скейтбордингом и слушал инди-рок на виниле. Теперь он сидел на перевёрнутом пластиковом ящике в углу лаборатории и смотрел на «Гелиос-4» так, как кролик смотрит на удава — с ужасом и замороженностью одновременно. Его колени дрожали мелкой, противной дрожью. Он прижимал ладони к бёдрам, пытаясь унять её, но дрожь не проходила. Она шла откуда-то изнутри, из

самого нутра, где страх свил гнездо.

В лаборатории пахло озоном и горелой пылью — Марк снова перегрузил конденсаторы во время утренней калибровки. Под потолком гудела лампа дневного света, и её мёртвенный свет делал лица всех присутствующих похожими на посмертные маски. Элина стояла у дверного проёма, скрестив руки на груди, и наблюдала. Её лицо ничего не выражало, но Лукас чувствовал её взгляд — тяжёлый, оценивающий, как у хирурга перед операцией.

Марк Торрес присел перед Лукасом на корточки, так что их глаза оказались на одном уровне. От Марка пахло потом, машинным маслом и тем особым запахом, который бывает у людей, слишком долго не видевших солнечного света. Его красные от недосыпа глаза смотрели на Лукаса с почти религиозным исступлением.

— Послушай меня, Лукас, — начал Марк, и его голос звучал мягко, почти ласково. — То, что мы делаем сегодня — это больше, чем просто эксперимент. Это первый шаг к тому, чтобы всё исправить. Понимаешь? Весь этот кошмар снаружи, всех мёртвых, эту проклятую «Химеру» — мы можем стереть это, как будто ничего и не было. Но для этого нам нужен ты.

Лукас сглотнул. В горле пересохло, язык прилипал к нёбу. — Что именно вы собираетесь со мной сделать? — спросил он, и голос сорвался на последнем слове.

Марк улыбнулся — улыбка получилась кривой, больше

похожей на гримасу.

— Ничего страшного. Мы отправим тебе послание. Всего пять слов: «нажми красную кнопку через пять секунд». Сообщение уйдёт на десять секунд в прошлое. Ты услышишь его здесь, — он постучал пальцем по виску, — внутри головы. Как мысль. Как воспоминание, которого у тебя не было. А потом нажмёшь кнопку.

Лукас посмотрел на красную кнопку, прикреплённую к подлокотнику старого офисного кресла. Она была большой, пластиковой, с потёртой поверхностью — видимо, её сняли с какого-то списанного пульта. Она выглядела безобидно, как игрушка. Но Лукас знал: в этом бункере не осталось ничего безобидного.

— А что будет потом? — спросил он.

Марк переглянулся с Аркадием, который сидел в своём кресле, поглаживая трость, как домашнего кота.

— Потом мы проверим твои показатели, — ответил Аркадий. — Давление, пульс. Обычная процедура. Крыса перенесла эксперимент без видимых последствий. С тобой будет то же самое.

— Крыса, — повторил Лукас. — Вы сравниваете меня с крысой.

— Я сравниваю тебя с первопроходцем, — отрезал Марк. — С астронавтом, который первым шагнул в открытый космос. Лукас, — он положил руку на плечо парня, и та оказалась неожиданно тяжёлой, — ты можешь отказаться. Никто

не будет тебя заставлять. Но если ты согласишься... ты станешь частью чего-то великого.

В лаборатории повисла тишина, нарушаемая только низким гулом «Гелиоса» и потрескиванием лампы. Лукас смотрел на красную кнопку и думал о том, что снаружи бункера лежат тела его родителей — он не видел их, но знал, что они там, под открытым небом, которое теперь стало крышкой гроба для всего человечества. Он думал о том, что если есть хотя бы один шанс из миллиона вернуть всё назад — увидеть мать, услышать отца, вдохнуть воздух, не пахнущий смертью, — то этот шанс стоит любой боли.

— Хорошо, — сказал он, и слово вылетело из его рта быстрее, чем он успел подумать. — Я сделаю это.

Элина, стоявшая у двери, едва заметно покачала головой, но ничего не сказала. Она видела, как Марк пожимает Лукасу руку — слишком крепко, слишком энергично, как будто уже празднует успех, которого ещё не было.

Подготовка заняла двадцать минут. Аркадий колдовал над пультом, вводя координаты отпечатка мозга Лукаса — у каждого человека он был уникален, и «Гелиос» мог зацепиться за него, как якорь за дно. Марк прикреплял к вискам Лукаса датчики — холодные металлические кружочки на липучках, от которых по коже бежали мурашки. Элина стояла в стороне, сжимая в кармане пистолет Влада, и не могла отделаться от чувства, что они совершают ошибку. Не научную — моральную. Но мораль в бункере «Ковчег» дав-

но стала разменной монетой, которую тратили без счёта.

— Готовность тридцать секунд, — объявил Аркадий. — Лукас, когда услышишь сигнал — не дёргайся. Просто сиди и жди. Послание придёт само. Ты его узнаешь.

— Как я его узнаю? — спросил Лукас.

— Узнаешь. Это будет как будто ты всегда это знал, но только что вспомнил.

Марк включил таймер. На старом мониторе, висевшем над пультом, побежали красные цифры: 00:10... 00:09... 00:08...

— Отправка через пять... четыре... три... две... одну...

«Гелиос» взвыл. Это был не тот низкий гул, к которому все привыкли, а высокий, пронзительный вой, от которого заложило уши и завибрировали пломбы в зубах. Лампы в лаборатории мигнули и на секунду погасли, погрузив всё в крошечную тьму, а когда зажглись снова, Лукас сидел в кресле с широко раскрытыми глазами, и его зрачки были расширены так, что радужки почти исчезли.

— Лукас? — позвал Марк. — Ты в порядке?

Лукас не ответил. Он смотрел прямо перед собой, но взгляд был отсутствующим. Его правая рука дёрнулась и легла на подлокотник. Пальцы сжались. Кнопка щёлкнула.

На мониторе вспыхнула надпись: «СИГНАЛ ПРИНЯТ. ВОЗДЕЙСТВИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО».

— Получилось! — закричал Марк, и его голос сорвался на фальцет. — Аркадий, ты видел?! Он нажал!

Но Лукас не разделял его радости. Он медленно поднял руки к вискам и прижал ладони к голове, словно пытался удержать череп от того, чтобы он не раскололся. Его лицо исказилось гримасой боли — не острой, а глухой, как будто внутри черепа кто-то проворачивал ржавый шуруп.

— Голова... — прошептал он. — Господи, моя голова...

Он застонал — низко, утробно, по-животному. Из его носа потекла тонкая струйка крови, алая на фоне бледной кожи.

Элина рванулась к креслу.

— Выключай, — бросила она Марку. — Выключай всё к чёртовой матери.

Марк засуетился у пульта, щёлкая тумблерами. «Гелиос» затих, но Лукасу легче не стало. Он раскачивался в кресле вперёд-назад, прижимая ладони к вискам, и стонал — монотонно, ритмично.

— Посмотри на меня, — Элина взяла его за подбородок. Зрачки были разного размера — левый расширен, правый сжат в точку. Плохой признак. — Что ты чувствуешь? Где болит?

— Везде. В голове. Как будто кто-то кричит. Громко. Я не могу остановить это...

— Отнесите его в медотсек, — приказала Элина. — Ингрид пусть посмотрит. И никаких больше экспериментов на людях, пока мы не поймём, что это за побочный эффект.

Марк хотел возразить — его рот уже открылся, чтобы вы-

дать очередную тираду о великих открытиях и неизбежных жертвах, — но он встретился взглядом с Элиной и осёкся. В её глазах было что-то такое, что заставило его вспомнить: эта женщина застрелила мародёра в упор две недели назад и даже не поморщилась. Она была способна на многое.

— Хорошо, — буркнул Марк. — Отложим.

Лукаса увели. Он шёл, шатаясь, из носа всё ещё капала кровь, оставляя на бетонном полу тёмные круглые пятна.

Элина осталась в лаборатории одна. Она подошла к креслу, где только что сидел Лукас, и коснулась пальцами красной кнопки. Пластик был тёплым от его руки.

— Что же мы делаем, — прошептала она в пустоту.

«Гелиос» молчал. Но где-то в его недрах уже зарождался ответ, которого она пока не могла услышать.

Элина постояла в лаборатории несколько минут, прислушиваясь к тишине. Пахло озоном и горелой пылью. Пустое кресло, тёплая кнопка. Она медленно вышла в коридор, закрыла за собой дверь, и направилась в каюту.

Она спала одетой, положив пистолет Влада под подушку. Привычка, ставшая рефлексом.

Глубокой ночью — или тем, что в бункере называли ночью — её разбудил звук.

Бум.

Она села на койке, сжимая рукоять «Глока».

Бум. Бум-бум-бум.

Это не был стук сердца. Это кто-то ломился в верхний люк.

Элина выскочила в коридор, на ходу передёргивая затвор. Патрон вошёл в патронник с влажным щелчком. Она едва не столкнулась со Свеном, который уже бежал к лестнице. Он был в одной майке, босиком, но в руках держал автомат.

— Мародёры, — бросил он на ходу. — Пытаются взломать дверь. Гюнтер и Йохан уже там.

Они поднялись на верхний уровень. Там царил хаос. Гюнтер стоял у смотровой щели и стрелял короткими очередями. Йохан прижимался плечом к двери, пытаясь удержать её закрытой, но дверь содрогалась от ударов снаружи — методичных, тяжёлых.

— Их там не меньше десятка! — крикнул Гюнтер. — У них лом и кувалда! Дверь долго не продержится!

Свен встал рядом со смотровой щелью и дал длинную очередь. Грохот выстрелов в замкнутом пространстве был оглушительным. Снаружи раздался крик, и удары на секунду прекратились.

— Есть один, — процедил Свен. — Но это их не остановит.

Элина бросилась к ящику с патронами в углу коридора, схватила две картонные коробки и потащила к стрелкам.

— Патроны!

Свен кивнул, не отрываясь от прицела. Очередь. Ещё одна. Гильзы летели по бетону.

Снаружи снова заколотили. Дверь загудела, как колокол. В смотровую щель просунулся ствол — кто-то стрелял вслепую. Гюнтер отпрянул, и пуля чиркнула по стене у него над головой.

— Сука! — выругался он и всадил ответную очередь в щель.

Перестрелка длилась двадцать минут. Элина потеряла счёт времени. Она подносила патроны, перезаряжала магазины, которые Свен и Гюнтер бросали ей под ноги, и старалась не думать о том, что будет, если дверь не выдержит.

А потом удары стихли.

Свен осторожно выглянул в смотровую щель.

— Уходят, — сказал он. — Тащат раненых. Один остался.

— Убитый? — спросила Элина.

— Убитый. Лежит у двери.

Они ждали ещё десять минут, прежде чем решились открыть дверь. Свен и Гюнтер вышли первыми, держа оружие наизготове. Элина за ними.

Ночь была холодной и ясной. Луна висела низко, заливая пустошь серебристым светом. Воздух пах порохом и кровью.

Тело лежало в двух метрах от двери. Мужчина лет тридцати, в рваной армейской куртке. Лицо было наполовину снесено. На груди — самодельный обрез из водопроводной трубы.

Свен наклонился и обыскал карманы. Пустая пачка сигарет. Зажигалка. Складной нож. Горсть патронов, бесполез-

ных для их оружия.

— Ничего ценного, — констатировал он. — Обычный отморозок.

Элина смотрела на мёртвое лицо. Она пыталась найти в себе хоть что-то: жалость, страх. Но внутри была только пустота и усталость.

— Уберём его? — спросил Гюнтер.

— Нет, — ответила Элина. — Оставим здесь. Пусть видят, что мы не лёгкая добыча.

Они вернулись в бункер и закрыли дверь. Свен остался дежурить до утра. Гюнтер пошёл спать.

Элина спустилась в свою каюту и села на койку, не снимая ботинок. Взяла пистолет Влада. Выщелкнула магазин. Три патрона. Она потратила двенадцать, подавая их Свену и Гюнтеру. Ещё один магазин оставался в кармане — полный.

Она вставила магазин обратно, дослала патрон и положила пистолет под подушку. Легла. Закрыла глаза.

Сон не шёл. Перед глазами стояло лицо Лукаса — искажённое болью, с разными зрачками и кровью из носа. А в ушах всё ещё звенело эхо выстрелов.

Она посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали мелкой дрожью, которую она не могла унять. Сжала их в кулак. Дрожь не прошла. Она прижала руки к груди, чувствуя, как под пальцами колотится сердце.

— Мы справились сегодня, — прошептала она в темноту.

Но где-то глубоко внутри она знала: это только начало.

Мародёры вернутся. Их будет больше. И однажды дверь не выдержит.

А где-то в лаборатории, в недрах «Гелиоса-4», продолжала зреть новая аномалия — микроскопическая флуктуация, эхо послания, которое ещё не было отправлено, но уже начало свой путь из будущего в прошлое.

Сигнал, который они пока не могли расшифровать.

Глава 3. Сигнал

Аркадий Воронов не спал третью ночь. Он сидел в углу лаборатории — «берлоге старика», как её уже называли. Старый монитор мерцал, освещая его лицо. Тени под глазами стали такими глубокими, что казались провалами.

Монитор был древним, пятнадцатидюймовым, с выпуклым экраном. Он гудел и грел воздух, смешивая запах старой пыли с горелой изоляцией. На экране бежали строки кода — обрывки правительственных баз данных, чудом уцелевшие на повреждённом сервере «Ковчега». Большая часть файлов превратилась в цифровой мусор. Но иногда, редко, попадалось что-то ценное.

Аркадий работал методично, нажимая клавиши с осторожностью сапёра. Марк спал в углу на свёрнутом брезенте. Его храп — неровный, прерывистый — был единственным звуком, кроме гула монитора и низкого дыхания «Гелиоса-4».

После эксперимента с Лукасом Аркадий понял: их теория верна, но неполна. Отправлять сообщения в прошлое можно было только тем, чей мозг создавал сильный квантовый след — уникальный отпечаток нейронной активности. У большинства людей он был слишком слабым, размытым. Но существовали исключения. Лукас подходил, но недостаточно. Его след был сильным, но нестабильным. Им нужен

был кто-то с идеальным резонансом.

Аркадий перебирал файл за файлом. Сканирования мозга военных, политиков, учёных. Большинство записей были повреждены. Некоторые принадлежали людям, которые уже умерли до «Химеры».

А потом он нашёл его.

В 03:47 по бункерному времени. Глаза уже слезились, перед ними плавали чёрные точки. Очередной файл открылся без ошибок. Полная запись. Сканирование высокого разрешения, сделанное в рамках программы по изучению «аномальных когнитивных способностей». Дата: 11 февраля 2048 года. Место: Институт нейрофизиологии, Бостон.

Имя: Алексей Градов.

Аркадий замер. Палец, занесённый над клавишей, дрогнул и опустился. Он взгляделся в экран. Сердце — старое, изношенное — забилося чаще.

Градов, Алексей Викторович. Родился 12 сентября 2012 года в Санкт-Петербурге. Журналист-расследователь. Специализация: секретные правительственные программы, генная инженерия, биооружие. В 2048-2049 годах опубликовал серию материалов о проекте «Химера» — статей, которые вызвали короткий, но громкий скандал, быстро замолчанный властями. Официально погиб при пожаре в лаборатории «Биофронт» в Томске 15 мая 2049 года. Тело не найдено.

Но не это заставило Аркадия замереть. Квантовый след Градова был идеальным. Чёткий, стабильный, с минималь-

ным уровнем шума. Если «Гелиос» сможет зацепиться хоть за кого-то, то за этого человека.

— Нашёл, — прошептал Аркадий. — Я нашёл тебя, Алексей Градов.

Он откинулся на спинку кресла. 15 марта 2049 года, 4:47 утра. Квартира в Бостоне. За два месяца до его официальной гибели.

Он посмотрел на спящего Марка. Тот ворочался, бормотал что-то неразборчивое.

— Завтра, — сказал старик сам себе. — Завтра я им всё расскажу.

Он не знал, что «завтра» принесёт смерть.

Ингрид Хоффман вернулась с поверхности живой, но что-то принесла с собой.

После супермаркета она чувствовала себя нормально. Уставшей, взвинченной, но нормально. Помогла Свену затащить ящик с водой в склад, пересчитала бутылки, отметила в журнале. Потом пошла в каюту, стащила пропотевшую одежду и протёрла тело влажной тряпкой — душ в «Ковчеге» не работал уже полгода.

Первые признаки появились через четыре часа.

Ингрид сидела в столовой, ковыряя остывшую фасоль, когда вдруг в горле запершило. Глубже, чем при простуде. Жёстко, как будто кто-то провёл наждачной бумагой по трахее. Она закашлялась — сухо, надсадно — и оставила мис-

ку.

— Ты в порядке? — спросил Лукас.

После эксперимента он выглядел лучше: головная боль утихла, кровь остановилась. Но глаза всё ещё были мутными.

— Да, — ответила Ингрид. — Пыль. В супермаркете было полно пыли. Аллергия.

Лукас кивнул и вернулся к еде. Он не заметил, как Ингрид потрогала шею. Лимфатические узлы под челюстью были слегка припухшими и горячими.

Через час кашель усилился. Влажный, с мокротой. Ингрид сплёвывала в ржавую раковину своей каюты. Жёлто-зелёная, с прожилками крови. Она знала, что это такое. Но в мире, где антибиотики стали редкостью, любая инфекция могла стать смертельной.

К утру поднялась температура. Тридцать восемь и два. Тридцать восемь и семь. Тридцать девять и один. Ингрид лежала, укрывшись двумя одеялами, и её трясло. Зубы стучали. Она не могла это контролировать.

Элина услышала кашель через стену — влажный, булькающий, с каждым выдохом становящийся всё более тяжёлым. Она открыла дверь и замерла.

В нос ударил запах. Сладковатый, тошнотворный, знакомый. Так пахло в изоляторе, где умирали больные лихорадкой. Так пахла смерть.

Ингрид лежала на спине, глядя в потолок. Её лицо, всегда худое, теперь напоминало обтянутый кожей череп. На ску-

лах и лбу выступила сыпь — мелкие красные точки, которые превращались в волдыри. Губы потрескались и кровоточили.

— Элина, — прохрипела она. — Это не аллергия.

— Я вижу. — Элина подошла ближе. — Когда началось?

— После возвращения. Кашель. Потом температура. Теперь сыпь. — Ингрид закашлялась, и на губах выступила розовая пена. — Я вдохнула споры. В супермаркете. «Химера-7». Я узнаю симптомы.

Элина сжала кулаки. Она хотела закричать, ударить в стену. Но не могла. Лидеры не кричат.

— У нас есть лекарства?

Ингрид покачала головой.

— Антибиотики не работают. Антивирусных нет. Последние использовали на Петре и Хельге.

Элина знала. Пётр умер три дня назад. Хельга ещё держалась, но с каждым часом становилось хуже. В «Ковчеге» ничего не было, кроме фасоли, воды на десять дней и компьютера, который не мог спасти умирающую женщину.

— Я принесу воды. И попробую сбить температуру.

— Не трать. — Ингрид говорила с трудом. — Оставь тем, у кого есть шанс. У меня его нет. Летальность — девяносто пять процентов. С моими симптомами... это конец.

— Заткнись, — резко сказала Элина. — Просто заткнись и пей воду.

Она вышла. В коридоре её ждал Свен. Он стоял, прислонившись к стене, и курил самокрутку из сушёных трав. Дым

был горьким и едким.

— Она умирает.

— Да.

— Тот штамм? Из супермаркета?

— Похоже на то. — Элина провела рукой по лицу. — Я должна была настоять на респираторах для всех.

— Ты не могла знать. Никто не мог. Мы все дышали одним воздухом. Почему заболела только она — вопрос к Богу.

— Я не верю в Бога.

— Я тоже. — Свен затыкнулся в последний раз, бросил окурок на пол и растёр подошвой. — Но иногда полезно делать вид. Помогает переложить ответственность.

Он ушёл на верхний уровень. Ингрид умирала четыре часа.

Элина сидела рядом с ней. Держала её за руку — горячую, сухую. Слушала, как дыхание становится всё более редким и хриплым. Сыпь расплзлась по телу, волдыри лопались, оставляя мокнущие язвы.

В последний час Ингрид начала бредить. Говорила с матерью, с бывшим мужем, с коллегой, который умер в первую волну. Смеялась, плакала. Элина слушала и молчала.

За десять минут до конца Ингрид вдруг пришла в себя. Глаза прояснились, дыхание выровнялось. Короткая передышка перед смертью. Она посмотрела на Элину и улыбнулась — слабо, но осознанно.

— Найди его, — прошептала она. — Этого журналиста.

Градова. Отправь ему послание. Скажи, чтобы он остановил их. Пока не поздно.

— Мы найдём. — Элина сжала её руку. — Обещаю.

— Хорошо, — выдохнула Ингрид.

Её глаза закрылись. Грудная клетка поднялась в последний раз и опустилась. Стало тихо.

Элина сидела ещё долго. Держала мёртвую руку. Потом встала, поправила одеяло, закрыла ей глаза и вышла.

В коридоре её ждали. Свен, Марк, Аркадий, Лукас, Гюнтер, Йохан. Они смотрели на неё.

— Ингрид мертва, — сказала Элина. — Штамм «Химеры-7». Она вдохнула споры в супермаркете. Хороним в техническом тоннеле через час.

Никто ничего не сказал. Никто не заплакал. В «Ковчеге» давно разучились плакать.

Технический тоннель находился на нижнем уровне. Узкий бетонный коридор, который когда-то использовали для прокладки кабелей. Теперь он служил кладбищем.

Тело Ингрид, завернутое в простыню, положили в нишу. У них не было гробов, не было священника. Только десять человек в полумраке. Элина держала дневник Ингрид — потрепанную тетрадь в клетку.

— Я не знаю, что говорить, — начала Элина. — Ингрид была биологом. Она знала, что мы все умрём, но продолжала работать. Она хотела, чтобы мы нашли способ остановить это. — Пауза. — И мы найдём.

Аркадий шагнул вперёд. В руках он держал распечатку — несколько листов бумаги, скреплённых ржавой скрепкой.

— Мы нашли, — сказал он. — У нас есть адресат. Человек с идеальным квантовым следом. Журналист по имени Алексей Градов.

Элина взяла распечатку. Бумага была тёплой от его рук. Она пробежала глазами по строчкам: имя, дата рождения, адрес. И фотография — чёрно-белая, зернистая, снятая старой камерой наблюдения. Мужчина лет тридцати пяти, с усталым лицом.

— Алексей Градов. Журналист-расследователь. Писал о «Химере». Официально погиб в 2049 году.

— Но на самом деле, возможно, нет, — добавил Аркадий. — Тело не нашли. И его квантовый след идеален. Если мы сможем отправить послание хоть кому-то, то ему.

— Когда? — спросил Марк.

Аркадий посмотрел на Элину. Элина посмотрела на тело Ингрид, лежащее в нише.

— Завтра. Завтра мы отправим первое послание.

Свен взял мастерок и начал закладывать нишу кирпичами. Каждый кирпич ложился с глухим стуком. Элина стояла и смотрела, как исчезает за стеной тело женщины, которая умерла, чтобы они могли жить. Или чтобы умереть чуть позже.

Когда последний кирпич встал на место, Свен повернулся к ней.

— Ты веришь, что это работает?

Элина долго молчала, глядя на свежую кладку. В тишине тоннеля было слышно только их дыхание. Она вспомнила лицо Ингрид, её последнюю улыбку. Она вспомнила слова: «Найди его. Отправь ему послание».

— Я не знаю, — ответила она. — Но Ингрид верила. Этого достаточно.

Она повернулась и пошла прочь. За спиной остались мёртвые — Ингрид, Пётр, Влад. А впереди ждал «Гелиос-4», готовый отправить первое послание человеку, который ещё не знал, что ему предстоит изменить мир.

В лаборатории Аркадий остался один. Он снова открыл файл. Смотрел на фотографию Градова. Он не сказал Элине главного: в данных квантового следа была аномалия. Микроскопическое искажение. Как будто кто-то уже пытался связаться с Градовым из будущего. Как будто их послание будет не первым.

Он закрыл файл, выключил монитор. В лаборатории стало темно. Только индикаторы «Гелиоса» мерцали в углу.

— Прости нас, Алексей, — прошептал старик. — Прости, что втягиваем тебя в это.

Но было уже поздно. Колесо пришло в движение.

Собрание назначили на восемь, но к половине восьмого все, кто мог сидеть, уже заняли места. Из изолятора сквозь закрытую дверь доносился kloкочущий хрип — Хельга и

ещё один больной дышали, как испорченные насосы. За длинным пластиковым столом застыли десять человек; в мёртвенном свете ламп их лица напоминали гипсовые маски, с которых осыпалась позолота.

Столовая «Ковчег» была помещением без памяти. Бледно-зелёные стены, разношёрстные стулья с продавленными сиденьями, оторванный календарь с альпийским пиком — заснеженная вершина на мартовской странице выглядела не обещанием, а издёвкой. Воздух слоился из запахов фасоли, пота и того особого кисловатого духа, который оставляет после себя долгий страх.

Элина вошла последней. Ладонь привычно скользнула по рукояти «Глока» за поясом. Она опустила во главе стола, положила руки ладонями вниз — старый профессорский жест — и заговорила без предисловий.

— Ингрид мертва. Штамм «Химеры-7» до сих пор активен на поверхности. Каждая вылазка может стать последней.

Тишина сгустилась. Лукас изучал собственные покрытые шрамами ладони. Гюнтер мял губу. Йохан сидел недвижно, лишь желваки ходили под кожей.

— Но у нас есть адресат. — Голос Элины приобрёл металлический оттенок. — Алексей Градов, журналист, вёл расследование по «Химере». Его нейронная архитектура даёт идеальный квантовый резонанс. Если отправим предупреждение сейчас, он сможет остановить вирус до катастрофы.

Пауза легла плотно, как предгрозовая духота.

— Однако есть проблема. — Она кивнула Аркадию. — Расскажи им.

Старый физик огладил трость, подался вперёд, и морщины на его лице превратились в трещины на древней карте.

— Парадокс. Мы бросаем камень в прошлое, и круги могут утопить нас вместе с настоящим. Любое вмешательство рождает новую временную ветвь — или переписывает существующую. Мы можем проснуться в мире без «Химеры». А можем — в мире, который станет ещё худшим адом. Крыса повернула налево. У Лукаса до сих пор болит голова, и это было послание на десять секунд. А теперь представьте, что случится с сознанием человека, получившего информацию, которой не должно существовать.

— Ты предлагаешь сидеть и ждать, пока нас не перестреляют мародёры или не сожрёт чума? — хрипло бросил Гюнтер.

— Я предлагаю понимать цену, — отрезал Аркадий. — Мы можем оказаться не спасителями, а убийцами единственной реальности, где уцелел хоть кто-то.

Марк с грохотом опустил кружку на стол.

— Единственная реальность, где девяносто пять процентов населения мертвы, а мы заперты в бетонном гробу? Хуже уже не будет, Аркадий. Ты цепляешься за формулы, пока люди гниют заживо!

Элина вскинула руку.

— Голосуем. Решение касается каждого. Кто «за» — под-

нимайте руки.

Первым взметнулась ладонь Марка — точно флаг над полем боя. Медленнее, будто преодолевая сопротивление, поднял руку Аркадий. За ним — Лукас (его пальцы дрожали), Гюнтер, Йохан, оба молчаливых техника и, последним, Свен — с лицом человека, который давно перестал удивляться. Четыре руки остались лежать на столе.

— Шесть «за», — произнесла Элина. — Мы отправляем послание. Ответственность — на мне. Если всё пойдёт прахом, запомните это.

Она встала первой. Остальные потянулись к выходу, и шаги их загудели в бетонном коридоре.

Лабораторию наполняло низкое гудение «Гелиоса-4» и острый запах озона — сегодня он казался предвестником чего-то необратимого. Марк, бледный от недосыпа, стоял за пультом, его пальцы летали над клавиатурой с лихорадочной музыкальностью.

Аркадий диктовал координаты бесстрастно, как прогноз погоды:

— Временная метка: пятнадцатое марта 2049-го, 4:47 утра по восточному времени. Бостон, Бикон-стрит, 212, квартира 4-Б. Нейронный идентификатор: Градов Алексей Викторович, семь-дельта-девять-эпсилон.

На мониторе выстраивалась колючая диаграмма — сплетение линий, напоминающее звёздную карту, увиденную

сквозь треснувшую линзу. Элина стояла у двери, скрестив руки; её задачей было не понимать, а реагировать, если оборудование откажет, а нервы — не выдержат. Свен и Гюнтер замерли у входа с оружием.

— Текст послания? — спросил Марк.

Элина надиктовала коротко, будто вырезая каждое слово ножом:

— «Химера-7. Лаборатория Биофронт, Томск. Ищи файлы с маркером К-7».

Марк допечатал и откинулся на спинку. На экране повисли двадцать четыре символа — капля информации, которая должна была прожечь ткань времени.

— И всё? Без «пожалуйста»? — усмехнулся он невесело.

— Он журналист. Увидит — поймёт. А если нет, значит, мы ошиблись адресатом.

Аркадий кивнул и, тяжело опершись на трость, двинулся к дальней стене лаборатории. За грудой старого оборудования скрывалась дверь. Он отомкнул её ржавым ключом, и оттуда пахло холодом машинного масла.

— Нижний уровень. Остатки коллайдера. Без него нам не выдать достаточно энергии для квантового пробоя. Придётся запускать вручную.

Лестница вела вниз, в темноту. Ступени скрипели под подошвами, и Элина машинально считала их, пока не сбилась. Зал внизу походил на чрево исполинского механического зверя: кольца сверхпроводящих магнитов оплетали

цилиндрическую камеру из матового металла. Всё покрывала ржавчина, но оборудование ещё дышало — где-то в толще стен гудели старые насосы.

Марк уже возился у распределительного щита, подсоединяя кабели. Элина светила ему фонарём, подавала инструменты. Время внизу текло иначе — тягучее, пропитанное низким гулом и запахом разогретого металла. Через час, а может, через два, он выдохнул:

— Готово. Можно запускать.

Когда они поднялись обратно, воздух в лаборатории звенел от напряжения. Аркадий занял место у главного пульта. Марк стоял рядом, держа ладонь над аварийным рычагом охлаждающего контура — переделанной системой, способной разом выплеснуть остатки жидкого азота, если температура уйдёт вразнос.

— Отправка через десять секунд, — спокойно, почти буднично произнёс Аркадий. — Девять. Восемь.

Элина закрыла глаза. Перед ней всплыло лицо Ингрид — в те последние минуты, когда боль отступила и она улыбалась, прося найти Градова.

— Четыре. Три. Две. Одна.

Клавиша щёлкнула.

«Гелиос-4» закричал. Высокий, пронзительный вой ввинтился под череп, и лампы погасли, оставив лишь багровые точки индикаторов. Пол завибрировал так, что зубы заныли, — казалось, бетонная плита встала дыбом.

— Температура растёт! — гаркнул Марк и рванул рычаг.

С шипением хлынул азот, окутывая центральный процессор белым паром. Вспышки подсвечивали скрюченную фигуру Марка, похожую на алхимика над бурлящим тиглем.

— Ещё три секунды! — бросил Аркадий, не отрывая взгляда от цифр.

На мониторе сквозь помехи бежали строки: «ОТПРАВКА... ОТПРАВКА...» — и наконец: «СИГНАЛ УШЁЛ».

Вой оборвался. Лампы зажглись снова, но теперь свет казался тусклым и болезненным. В тишине слышалось только шипение азота и тяжёлое дыхание. Марк опустил пустой рычаг, с его подбородка капал пот, а в глазах пылал торжествующий огонь.

— Мы это сделали, — выдохнул он. — Чёрт возьми, сделали...

Элина подошла к экрану. На нём горела единственная строка: «КВАНТОВЫЙ ПАКЕТ ДОСТАВЛЕН. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ОТСУТСТВУЕТ».

— Мы не знаем, получил ли он, — тихо произнесла она.

— И не узнаем, — отозвался Аркадий, не открывая глаз. — Канал односторонний. Ответов не будет.

Элина повернулась и вышла в коридор. Прислонилась затылком к холодной стене, закрыла глаза. «Мы сделали это, Ингрид, — прошептала она в пустоту. — Надеюсь, ты была права».

В лаборатории Аркадий остался один. Он сидел и гладил

трость, глядя на погасший монитор. В момент отправки «Гелиос» засёк микроскопическую флуктуацию — слабый сигнал из будущего, почти неотличимый от шума. Единственное, что удалось разобрать, — одно слово на древнегреческом: «ἀρχή». Начало.

Он не сказал Элине главного: этот сигнал пришёл на долю секунды раньше, чем они отправили послание. Как будто кто-то из ещё более далёкого будущего уже знал, что они сделают, и пытался ответить — но время не пропустило смысла, оставив лишь слово.

Аркадий потёр переносицу. Где-то там, в Бостоне, в ранний утренний час 15 марта, Алексей Градов, возможно, проснулся с чужим шёпотом в голове. Или не проснулся. Колесо пришло в движение, и теперь оставалось только ждать, раздавят ли его спицы тех, кто его толкнул.

Глава 4. Поиск адресата

Трое суток. Семьдесят два часа, которые в бункере «Ковчег» текли не по солнцу, а по ударам сердца и порциям фа-соли. Каждая минута была наполнена одними и теми же звуками: гулом вентиляции, кашлем из изолятора, скрежетом ложек. Тишина здесь не наступала никогда — просто одни шумы сменяли другие, и люди привыкли к ним, как привыкают к шрамам.

Элина просыпалась каждые три часа и лежала, изучая трещину на потолке — русло пересохшей реки, которое она могла бы нарисовать с закрытыми глазами. После отправки послания прошло больше суток; сколько именно, она не знала — батарейка в часах садилась, и стрелки то замирали, то дёргались, навёрстывая упущенное.

В коридоре раздались тяжёлые шаги — Свен, она узнала бы его поступь из тысячи. Два удара в дверь, пауза, ещё один. Свои. Он вошёл с двумя кружками, от которых поднимался горьковатый травяной пар — заменитель чая, собранный ещё до того, как «Химера» выжгла всё живое.

— Четвёртые сутки пошли, — сказал он, протягивая кружку. — Марк торчит у «Гелиоса». Говорит, флуктуации фиксирует, но расшифровать не может. Аркадий с ним, старик не спит вторые сутки.

— А Пётр? — Элина глотнула горькую жидкость, чув-

ствуя, как тепло разливается по пищеводу.

Свен отвёл глаза, и этого оказалось достаточно.

— Совсем плох. Хельга ещё держится, а Пётр уже никого не узнаёт. Зовёт жену. Лукас у него.

Элина допила чай и встала.

— Я схожу.

Завтрак прошёл в тишине. Половина банки фасоли на человека. Марк не пришёл — Аркадий унёс ему пайку в лабораторию. Лукас сидел бледный, с чёрными кругами под глазами; головные боли после эксперимента так и не отпустили его. Элина доела, вытерла миску куском чёрствого хлеба и направилась в изолятор.

В маленькой комнате, пропахшей потом и болезнью, Пётр лежал на койке у стены. Шестидесятидвухлетний биолог, переживший два инфаркта ещё до коллапса, теперь сдавался под натиском вируса. Его дыхание было неровным — то частило, то замирало, и каждый раз Элина непроизвольно подавалась вперёд, проверяя, жив ли он.

— Пётр, это Элина. Ты меня слышишь?

Он открыл мутные глаза и посмотрел сквозь неё, куда-то в стену. Губы зашевелились — он шептал имя жены. Элина взяла его горячую, сухую руку и села рядом. Она просидела так, наверное, час, слушая, как угасает дыхание. А потом Пётр вдруг открыл ясные, осмысленные глаза и узнал её.

— Элина. Вы отправили послание?

— Да, Пётр. Отправили.

Он улыбнулся криво, почти счастливо.

— Хорошо... Значит, не зря.

Грудная клетка поднялась в последний раз и опустилась. Элина держала его руку, пока кожа не начала остывать, потом поправила одеяло и вышла. В коридоре ждал Лукас.

— Он умер. Подготовьте технический тоннель. Второй за эту неделю.

Похороны прошли без речей. Свен закладывал нишу кирпичами, и каждый удар мастерка звучал как точка в конце предложения. Элина стояла, глядя на свежую кладку.

— Он сказал «не зря», — произнесла она. — Перед смертью. Сказал, что не зря.

Никто не ответил. Да и что тут можно было ответить?

Крыса появилась на вторые сутки. Элина перебирала записи Ингрид в столовой, когда услышала шорох — не тот, что доносился из вентиляции, а более громкий, близкий. Она подняла голову и увидела серую крысу с бурой полосой вдоль спины. Зверёк сидел у двери и смотрел на неё чёрными бусинками без страха — только голод и любопытство.

— Свен!

Инженер явился через минуту, оценил ситуацию и молча снял куртку. Подкрался, набросил — крыса пронзительно запищала и забилась под тканью.

— Есть. Что с ней делать? — Он держал извивающийся свёрток. — Мясо есть мясо. Прожарю до углей, вирус не выживет.

В дверях возник Марк — бледный, с красными глазами, пропитанный озоном. Увидел добычу, и в его взгляде мелькнуло что-то голодное, первобытное.

— Жарь. Я лично съем её с костями.

— Нет, — отрезала Элина. — Мы не знаем, что она переносит. Ингрид умерла от спор в супермаркете. Ещё одна смерть по моей вине в бункере нам не нужна.

Марк вспыхнул.

— Ты понимаешь, что говоришь?! Мы подышаем с голоду, а ты выбрасываешь еду! Твои послания в прошлое нас не накормят! Градов там, в сорок девятом, наверняка кофе пьёт, а мы тут жрём фасоль, которой осталось на три недели!

— Я понимаю, — ответила Элина тихо. — Но рисковать не буду.

Свен, не дожидаясь продолжения, вышел с крысой. Марк посмотрел на Элину — в его глазах ярость уступила место глубокой, безнадежной усталости.

— Ты не знаешь, каково это — сидеть у компьютера и слушать пустоту, — сказал он глухо. — Мы кричим в никуда, а в ответ — только шум.

— Я тоже жду, — ответила она. — Мы все ждём.

Марк покачал головой и вышел. Элина опустилась на стул и посмотрела на свои руки. Они дрожали — не от страха, а от усталости и голода.

Четвёртые сутки начались без изменений. Часы Элины встали окончательно, и она завела их наугад, уже не заботясь

о точности. Выйдя в коридор, она сразу почувствовала перемену — не в запахе или температуре, а в самом воздухе, который будто наэлектризовался. Из лаборатории доносились громкие голоса.

Она почти бегом преодолела коридор. В лаборатории Марк неистово стучал по клавишам, Аркадий прилип к монитору, а у двери толпились Свен, Гюнтер и Лукас.

— Что случилось?

Марк обернулся, и Элина увидела его глаза — они сияли не лихорадкой, а почти счастьем.

— Сигнал! «Гелиос» зафиксировал квантовую флуктуацию!

Аркадий поднял голову, и по его лицу, обычно бесстрастному, разлилось что-то очень похожее на надежду.

— Не ответ. Эхо. Но его параметры соответствуют отпечатку нашего послания. Градов получил сообщение. Он услышал нас.

Элина опустилась на стул, чувствуя, как слабеют ноги. Она смотрела на мельтешащие строки данных, которые теперь значили всё.

— Это работает, — прошептала она. — Действительно работает.

— Я же говорил! — Марк коротко, нервно рассмеялся. — Мы можем изменить прошлое!

— Не всё сразу. — Аркадий поднял ладонь. — Мы только знаем, что канал существует и Градов восприимчив. Но

что он сделает с информацией и как это отразится на нашей реальности, неизвестно. Нам нужно второе послание. Координаты ДНК-синтезатора в Бостоне, где хранились образцы «Химеры» на ранней стадии. Это даст ему материальные доказательства.

Элина встала. В груди разливалось тепло — хрупкое, почти забытое чувство. Надежда.

— Готовьте. Я сообщу остальным.

В столовой никого не было. Она села за стол, глядя на календарь с заснеженными Альпами, и перед её внутренним взором прошли лица: Ингрид, Пётр, Влад. Все, кто не дождался.

— Мы достучались, — сказала она в пустоту. — Мы достучались.

В лаборатории «Гелиос-4» продолжал гудеть, переваривая данные. На его мониторе среди строк кода светился единственный расшифрованный след — не ответ, просто отпечаток. Но пока этого было достаточно.

А в Бостоне, ранним утром 15 марта 2049 года, Алексей Градов проснулся с тяжёлой головой и ощущением, что забыл нечто крайне важное. Слова «Химера-7», «Биофронт», «К-7» пульсировали на краю сознания, ещё не облечённые в смысл, но уже начавшие необратимо менять его день.

Утро пятого дня началось с тишины — не фоновой, к которой все привыкли, а другой, глубокой и ватной. Казалось,

сам бункер затаил дыхание и ждал. Элина проснулась в 06:02 и, ещё не открыв глаз, уже знала: сегодня второе послание. Не проверочное, не пробное — настоящее. С координатами. С надеждой, что Алексей Градов не просто услышит их, но начнёт действовать.

Она села на койке, опустила босые ступни на холодный бетон и на мгновение задержалась так — холод означал, что нервные окончания живы, что тело, несмотря на голод, продолжает работать. В коридоре было темно; лампы на третьем уровне опять барахлили, лишь одна горела в дальнем конце тусклым оранжевым светом. Мимо каюты Аркадия она прошла, не останавливаясь, — из-за двери доносилось ритмичное тук-тук-тук трости. Старик не спал.

В столовой пахло, как всегда, фасолью, потом и застоявшимся воздухом. Марк, ссутулившись над кружкой, выглядел так, будто не спал вовсе — серое лицо, тени под глазами, движения заторможенные. Лукас водил ложкой по миске, не ел. Гюнтер и Йохан обменивались короткими фразами о датчиках.

Элина взяла свою порцию, села на место — спиной к стене, лицом к двери, — и сделала глоток едва тёплого, горького чая.

— Аркадий сказал, сегодня отправляем второе, — произнёс Марк, не поднимая головы. — Координаты синтезатора. Точность — плюс-минус три метра. Он всю ночь проверял. — Где синтезатор? — спросила Элина.

— Бостон. Дорчестер-авеню, 847. Подвал заброшенно-го здания. Частная лаборатория, закрыли, но оборудование осталось. Там создавали ранние образцы «Химеры» с маркером К-7.

— Если Градов найдёт его, — вставил Лукас, поднимая глаза от миски, — у него будут доказательства. Материальные.

— Если найдёт, — эхом отозвалась Элина. — Если поймёт, что искать. Если его не схватят раньше.

Она думала о том, чего они не знали. Проснулся ли Градов с чужой мыслью в голове? Записал ли странные слова? Или отмахнулся, списав на усталость? Ответа не было. Квантовый канал молчал в обратную сторону.

После завтрака она спустилась в лабораторию. «Гелиос-4» гудел ровно, без надрыва — Марк всю ночь возился с охлаждением. Аркадий сидел в своём кресле, поглаживал трость и смотрел на диагностические строки с тем особым спокойствием, за которым скрывалась безостановочная работа мысли.

— Готово, — сказал он, не оборачиваясь. — Подвал по адресу Дорчестер-авеню, 847. Синтезатор в дальнем помещении, за фальшивой стеной. Его не демонтировали — просто заложили кирпичами и забыли.

Элина подошла к пульту и посмотрела на координаты.

— Риски те же? Или выросли?

Аркадий повернул голову; в его выцветших глазах чита-

лось не сомнение, а усталое принятие неизбежного.

— Растут с каждым посланием. Квантовое поле — не резиновое. Каждое вмешательство рождает рябь. Рябь накладывается на рябь, и где-то там есть порог, за которым волны становятся разрушительными. Мы не знаем, где он. Может, уже перешли. Может, ещё далеко.

— Но отправлять нужно, — вставил вошедший Марк, и в его голосе звенело нетерпение.

— Нужно. — Аркадий кивнул. — Но с осторожностью. Не слепая стрельба из квантовой пушки.

Элина молчала. Осторожность была роскошью, которой у них не осталось. Еда таяла, силы убывали, смерть дежурила за дверью — в изоляторе и на поверхности.

— Отправляем сегодня, — решила она. — Координаты синтезатора. И предупреждение: пусть будет осторожен. За ним могут следить.

Марк сел за пульт, пальцы забегали по клавишам. Элина диктовала — медленно, взвешивая каждое слово.

— «Дорчестер-авеню, 847. Подвал. За фальшивой стеной — ДНК-синтезатор. Образцы с маркером К-7. Будь осторожен. За тобой следят».

На экране застыли сорок два символа. Сорок два бита, которые должны были пролететь сквозь время и вонзиться в сознание журналиста.

— Готово, — выдохнул Марк. — Можно отправлять.

Аркадий проверил настройки с осторожностью сапёра.

— Температура в норме. Резонанс стабилен. Отправка через тридцать секунд.

Элина отошла к стене, где стоял Свен. Его рука покоилась на прикладе автомата — единственный признак напряжения на бесстрастном лице.

— Двадцать секунд.

«Гелиос» загудел громче. Лампы мигнули, но выдержали. Пол завибрировал, и дрожь эта отдавалась в зубах.

— Десять. Девять. Восемь.

Элина закрыла глаза и увидела его — чёрно-белое, зернистое лицо с фотографии. Квартира в Бостоне, раннее утро, чашка кофе в руке. И вдруг — чужая мысль, вонзающаяся в мозг.

— Три. Две. Одна. Отправка.

«Гелиос» взвыл — но ниже, глубже, чем в первый раз, словно учился быть мостом между временами. Лампы мигнули и зажглись снова. Вибрация стихла.

«СИГНАЛ ОТПРАВЛЕН. КВАНТОВЫЙ ПАКЕТ ДОСТАВЛЕН».

— Всё, — выдохнул Марк. — Ушло.

Аркадий откинулся на спинку, закрыл глаза. На его лице смешались удовлетворение и тревога.

— Без перегрева. Система стабилизируется. Хороший знак. Или плохой. Не знаю.

— Теперь ждать, — сказала Элина.

— Теперь ждать, — эхом отозвался Марк.

Свен кашлянул у двери.

— Пока вы ждёте, нам нужны детали для охлаждения. Медные шины, транзисторы. Без них «Гелиос» долго не протянет. Я схожу на поверхность.

— Куда?

— Старая электростанция в трёх километрах. На карте видел. Должно быть оборудование.

— Один не пойдёшь. Возьми Лену.

Свен кивнул. Лена — молодой техник с короткой стрижкой и внимательными глазами, одна из тех, кто редко говорил, но много работал.

— Будьте осторожны, — добавила Элина. — После Ингрид... Просто будьте осторожны.

Поверхность встретила их холодом и тишиной. Свен вдохнул полной грудью — воздух пах гарью и сладковатым, как гниющие яблоки пополам с пеплом. Низкие тучи висели неподвижно, а где-то за холмами тянулся вверх тонкий чёрный столб дыма. Кто-то жёг костёр. Или горело само.

Лена выбралась следом, натянула респиратор и поправила рюкзак. В руках — монтировка. Свен нёс автомат и сумку с инструментами.

— На северо-запад, — сверился он с картой. — Если повезёт, через два часа вернёмся.

— А если не повезёт?

— Тогда не вернёмся.

Они двинулись через пустошь. Сухая потрескавшаяся земля, жёсткая щетина мёртвой травы, сорняки, пробивающиеся из трещин. Ветер гнал пыль и мусор; в кустах застрял истлевший красный шарф — когда-то красный. Свен сканировал горизонт, кусты, развалины. Лена дышала ровно, ступая след в след.

Через сорок минут вышли к подстанции — приземистому зданию из серого бетона за ржавым сетчатым забором. Трансформаторные будки, чёрные скелеты опор, груды металлолома. Свен остановился у пролома, поднял руку. Прислушался. Ветер. Шорох. Далеко — крик, не разобрать чей.

— Внутри чисто. Но я чую следы. Человеческие. Свежие.

Они вошли во двор. Гравий хрустел под ботинками, смешиваясь с битым стеклом. Главное здание встретило распахнутой дверью и крошечной темнотой. Лучи налобных фонарей выхватывали груды оборудования, оборванные провода. Запах — озон, металл, и ещё слабый, но свежий запах дыма.

Свен присел. На пыльном полу — чёткие отпечатки ботинок, не размытые временем. День, может, два. В углу — грязный спальный мешок, пустая консервная банка, окурки, ещё пахнущий табаком.

— Здесь ночевали, — прошептала Лена. — Совсем недавно.

— Ушли. Но могут вернуться. Работаем быстро.

Лена вскрыла распределительный щит и принялась извлекать медные шины — длинные, тяжёлые полосы металла.

Свен обшаривал шкафы, собирал транзисторы, предохранители, мотки проводов.

— Есть, — выдохнула она. — Хватит на пару месяцев.

— Уходим.

Они двинулись к пролому. У самого выхода Свен замер и указал на землю. Свежие отпечатки — много отпечатков. Они вели к подстанции и обратно. И среди них — совсем недавние. Может, утренние.

— Они вернулись. Или ушли не все.

Свен медленно обвёл взглядом пустошь, кусты, развалины. Никого. Но ощущение чужого присутствия висело в воздухе, как запах дыма.

— Бегом до бункера. Быстро.

Они побежали, не оглядываясь. Ветер хлестал по лицу, лёгкие горели, ноги вязли в сухой земле. Лена спотыкалась, но не выпускала шин. Через двадцать минут добрались до люка. Свен пропустил её вперёд, нырнул последним, задраил крышку — и только в темноте, среди бетонных стен и знакомого запаха плесени, позволил себе выдохнуть.

— Кто-то следит за нами, — сказала Лена, стягивая респиратор. — Кто-то знает, где мы.

— Знает. Но пока не нападает. Значит, ждёт.

В коридоре их встретила Элина. По их лицам она всё поняла раньше, чем Свен заговорил.

— Подстанция. Кто-то там был. Спальный мешок, консервы, окурки. Свежие следы — много. Кто-то наблюдает за

местностью. Возможно, за нами.

Элина сжала кулаки. Перед глазами встали мародёры, атаковавшие люк, убитый у двери, те, кто ушёл и обещал вернуться. И те, кто мог быть умнее: не лезть в лоб, а ждать, выжидать, наблюдать.

— Усилим охрану. Свен, Гюнтер — на верхний уровень. Лена, отнеси детали Марку, пусть ускорит охлаждение. Оно нам скоро понадобится.

Лена ушла. Свен задержался.

— Элина. Если нападут... нас мало. И патронов почти нет.

— Я знаю. Будем держаться, сколько сможем.

Он кивнул и двинулся к лестнице. Элина осталась в коридоре одна, прижалась затылком к холодному бетону и закрыла глаза. Где-то в лаборатории «Гелиос-4» гудел, перева-ривая второе послание. Где-то в прошлом Алексей Градов, возможно, уже искал фальшивую стену в подвале на Дорчестер-авеню. А где-то здесь, в трёх километрах, чужие люди грелись у костра и смотрели в сторону «Ковчега».

Давление нарастало — медленно, но неотвратимо, как воздух перед грозой, когда ещё тихо, но уже нечем дышать.

Глава 5. Бостон

Алексей Градов проснулся в 04:47 от боли, пульсирующей за правым глазом. Он лежал в съёмной квартире на Бикон-стрит, глядя в потолок с трещинами и жёлтыми разводами, и ждал, пока отбойный молоток в виске утихнет хотя бы до тупой тяжести. За грязным окном брезжил серый бостонский рассвет — тот, что не освещает, а только проявляет убожество.

Квартира напоминала спичечный коробок, забитый бумагами. Письменный стол прогибался под распечатками, пустыми кофейными чашками и старым ноутбуком с экраном, заклеенным скотчем. На полу — стопки документов, пара пыльных гантелей, книги. Градов сел, потёр виски, сделал глоток из стакана — вода была тёплой и отдавала железом.

Слова уже были там. Как только боль чуть отступила, они всплыли — чёткие, будто отлитые из металла: «Дорчестер-авеню, 847. Подвал. За фальшивой стеной — ДНК-синтезатор. Образцы с маркером К-7. Будь осторожен. За тобой следят».

Они приходили третье утро подряд. Он не знал, откуда. Просто просыпался — и уже помнил их, словно кто-то вбил информацию под череп, пока он спал. Градов потянулся к блокноту на столе. На последней исписанной странице, его собственным почерком, значилось то же самое. Он не пом-

нил, как записывал.

— Дорчестер-авеню, восемьсот сорок семь, — произнёс он вслух, и голос в пустой квартире прозвучал чужим. — Подвал. Фальшивая стена.

Когда-то этот адрес мелькал в одном из расследований. Зброшенная лаборатория, тёмные дела фармацевтов. Тогда он не придал значения. Теперь — придал.

Оделся быстро: джинсы, свитер, старая кожаная куртка, пахнувшая табаком и дождём. В карман — диктофон, складной нож, маленький цифровой фотоаппарат. Журналист без камеры — не журналист.

В подъезде пахло кошачьей мочой и жареным луком. У почтовых ящиков спал бродяга, завернувшись в грязное одеяло. Градов перешагнул через него и вышел на улицу, в промозглый мартовский ветер, который нёс с залива влажный холод. Поднял воротник и зашагал к метро.

Дорчестер-авеню находилась в той части Бостона, которую не показывают в туристических буклетах. Ржавые контейнеры, склады с выбитыми окнами, граффити, которые уже никто не смывал. Здание 847 пряталось в глубине квартала за покосившимся забором из сетки-рабицы цвета застарелой ржавчины.

Улица была пуста. Ветер гнал по асфальту обрывки газет. Где-то далеко надрывалась лаем собака.

Градов нашёл дыру в заборе, протиснулся, матюгнувшись сквозь зубы, когда куртка затрещала по шву, и вошёл в зда-

ние. Запах плесени и химикатов ударил в нос. Двери были заколочены, но кто-то уже отодрал доски с одного края. Внутри — темнота, которую луч телефонного фонарика едва разгонял: облупившиеся стены, мусор, скелет какого-то крупного животного в углу.

Лестница вниз была справа. Бетонные ступени скользили под подошвами. Каждый шаг отдавался эхом. Градов спускался медленно, прислушиваясь к мерному «кап-кап-кап» где-то в глубине.

Подвал оказался лабиринтом. Лабораторные столы, запylённые колбы, ржавые приборы. Белый кафель стен местами осыпался, обнажая серый бетон. Запах химии сгущался. Он шёл по коридору, пока не упёрся в тупик — глухую стену, облицованную кафелем чуть светлее, чем вокруг. Швы между плитками выглядели свежее. Фальшивая стена.

— Вот ты где, — прошептал Градов.

В углу валялся ржавый лом. Он взял его, размахнулся и ударил. Кафель брызнул осколками. Ещё удар — кирпичи зашатались. Он бил, пока в стене не образовалась дыра, из которой пахнуло холодом и формальдегидом. Расширив отверстие, Градов протиснулся внутрь.

Посередине комнаты стоял громоздкий аппарат из нержавеющей стали и пластика, опутанный трубками. ДНК-синтезатор. Рядом — металлический шкаф, запертый на висячий замок. Три удара ломом — и дужка хрустнула.

Внутри, в специальных держателях, стояли запаянные

стеклянные ампулы. Градов взял одну, поднёс к фонарику. «Химера-7. Образец В. Дата: 12.11.2048». Красная надпись: «БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ. УРОВЕНЬ 4».

Двенадцать ампул. Двенадцать образцов экспериментального вируса, способного, если верить голосу, стереть человечество.

Руки дрожали, когда он заворачивал ампулы в старую футболку и укладывал на дно рюкзака — между блокнотом и запасной батареей. Каждое движение — как у сапёра. Застегнул молнию, поправил лямку. Рюкзак оттягивал плечо, и лёгкое позвякивание стекла отдавалось в висках тревожным набатом.

Он выбрался обратно тем же путём. Поднялся по лестнице, вышел через дыру в дверях и вдохнул холодный воздух. Небо налилось свинцом.

У самого пролома в заборе он замер. Ощущение — не звук, не движение, а давление чужого взгляда на затылке — пригвоздило его к месту. Медленно, очень медленно он повернул голову.

В сотне метров, у поворота, стоял чёрный фургон. Без номеров. Тонированные стёкла. Двигатель молчал, но фургон не был припаркован — он ждал.

Сердце грохнуло в рёбра. «Будь осторожен. За тобой следят».

Градов не стал проверять, кто внутри. Протиснулся через пролом и быстрым шагом, почти бегом, двинулся прочь, пет-

ляя между складами и контейнерами. За спиной — может быть, померещилось — взревел двигатель. Он свернул в переулок, потом в другой, перелез через груды мусора, вышел на соседнюю улицу и прижался к стене, хватая ртом воздух. Выглянул — пусто. Фургон исчез. Но ощущение слежки вцепилось в затылок, как клещ.

— Кто вы? — прошептал он в пустоту. — Что вам нужно? Тишина. Только ветер и далёкий лай.

Он поправил рюкзак и зашагал к метро. Нужно было домой. Подумать. Понять, что делать с двенадцатью ампулами вируса, за которыми, судя по всему, уже охотились.

А в голове снова звучали слова, которых там быть не должно. Голос из мёртвого будущего. «Будь осторожен. За тобой следят».

Где-то за тысячи километров и много лет спустя, в бункере «Ковчег», «Гелиос-4» зафиксировал микроскопическую флуктуацию. Аркадий Воронов, склонившись над монитором, увидел всплеск и записал в дневник: «Градов нашёл синтезатор. Временная линия дрогнула».

Он не знал, в какую сторону. Никто не знал.

Новость о чужаках расползлась по бункеру невидимо, но ощутимо — как газ. Люди заговорили тише, шаги сделались осторожнее, даже Лукас, обычно суетливый, теперь двигался вдоль стен, вздрагивая от каждого скрипа.

Элина чувствовала, как сжимается пространство. Бункер,

ещё недавно казавшийся крепостью, на глазах превращался в мышеловку. Стены давили, воздух стал гуще — к запахам пота и фасоли примешалось что-то липкое, чему она не находила названия.

На третьи сутки после подстанции она собрала совет в лаборатории. Не в столовой, где эхо разносило каждое слово, а здесь, под ровный гул «Гелиоса-4». Присутствовали все, кто мог держать оружие: Марк, Аркадий, Свен, Гюнтер, Йохан, Лукас, Лена, молодой техник Томас и угрюмый Док — бывший ветеринар, ставший санитаром.

— Датчики зафиксировали движение, — начала Элина, расстилая на столе потрёпанную карту. Палец упёрся в точку в двухстах метрах к северу от входа. — Шесть человек. Обошли периметр и ушли к городу. Свен считает — разведка.

— Мародёры? — Гюнтер погладил приклад дробовика.

— Хуже. — Свен выложил на стол металлическую пластину с гравировкой: «КОНСОРЦИУМ ВОСТОКА — ОХРАНА ПЕРИМЕТРА». — Они оставили это. Специально. Чтобы мы знали.

Тишина стала такой плотной, что даже «Гелиос» будто прислушался.

— Консорциум, — выдохнул Аркадий. — Я думал, они рассыпались после второй волны.

— Значит, не рассыпались. — Элина обвела взглядом собравшихся. — Они знают, что здесь кто-то есть. Датчики не иголки, их видно. Следы у люка тоже. Мы должны усилить

оборону.

— Как? — Марк нервно хрустнул пальцами. — У нас десять человек, из которых двое — больные. Патронов на два коротких боя. Если они решат штурмовать...

— Свен и Гюнтер — на верхний уровень, круглосуточное дежурство. Йохан и Томас — нижний, запасной выход. Остальные работают над посланиями. — Она выдержала паузу. — Это единственный способ выжить в долгую. Если Градов остановит «Химеру», не будет ни Консорциума, ни мародёров, ни всего этого. Поэтому мы продолжаем.

Марк хотел возразить, но осёкся под её взглядом и только кивнул.

— Что отправляем на этот раз? — спросил Аркадий.

— Имена. Всех, кто стоял за проектом. Градову нужны не только образцы, ему нужны люди, принимавшие решения. Те, кто нажимал на курок.

Аркадий раскрыл блокнот.

— В архиве есть данные. Повреждённые, неполные. Мне потребуется время.

— Сколько?

— Шесть-восемь часов.

— Действуй. Марк, готовь передатчик. Отправка сегодня ночью.

В коридоре её догнал Свен.

— Ты уверена? Отправлять сейчас, когда за нами следят?

— Именно сейчас, — ответила она, не замедляя шага. —

Пока нас не заблокировали окончательно.

Он ничего не сказал, просто пошёл рядом, и его молчание было красноречивее слов.

Аркадий работал без перерыва. Сгорбившись над монитором, он перебирал обрывки правительственных баз данных — скрюченные пальцы двигались медленно, но неумолимо. На экране мелькали отчёты, служебные записки, сканы документов. Большая часть превратилась в цифровой мусор, но кое-что сохранилось.

Он записывал имена в блокнот — печатными буквами, словно составлял список покупок, а не перечень людей, ответственных за гибель миллиардов. Полковник Дуглас Харрис, глава биологической безопасности Пентагона. Доктор Ханс Вебер, главный генетик «Биофронта». Сенатор Элизабет Кроуфорд, председатель оборонного комитета. Генерал Виктор Чжоу, командующий биологическим сдерживанием. Доктор Елена Родригес, полевые испытания. Министр обороны Маркус Вэйн. Директор корпорации «Генезис» Ричард Солсбери.

Двенадцать имён. Двенадцать человек, которые знали о «Химере-7» с самого начала и либо участвовали, либо покрывали.

Когда он закончил, перед глазами плавали чёрные точки, но он трижды перепроверил каждую букву, каждый идентификатор. Марк взял блокнот, пробежался по списку, и лицо

его исказилось.

— Они знали, — прошептал он. — Все они знали.

— Знали, — подтвердил Аркадий. — И ничего не сделали. Или сделали слишком много.

Вошла Элина, прочла список, и желваки на её скулах напряглись.

— Отправляем всё. Пусть Градов знает, с кем имеет дело.

Марк сел за пульт. Пальцы его летали над клавишами, но движения были дёргаными, он то и дело ошибался, стирал, набирал заново.

— Марк, ты в порядке?

— В порядке, — буркнул он. — Просто устал. Третьи сутки без сна.

— Может, отложим до утра? — предложил Аркадий.

— Нет. — Марк мотнул головой. — Каждая минута на счету. Я справлюсь.

Элина переглянулась с Аркадием. Старик покачал головой, но спорить не стал.

Текст занял почти две страницы. Марк вбивал его, сверяясь с блокнотом, и каждое имя впечатывалось в память «Гелиоса», как гвоздь в крышку. Когда он закончил, лицо его было серым, покрытым испариной.

— Готово. Можно отправлять.

Аркадий проверил настройки.

— Температура в норме. Резонанс стабилен. Отправка через тридцать секунд.

Элина отошла к стене. Свен у двери сжимал автомат. В коридоре толпились остальные.

— Десять секунд. Девять. Восемь.

Марк вцепился в подлокотники, на его виске пульсировала жилка — часто, неровно, как сбившийся метроном.

— Три. Две. Одна. Отправка.

«Гелиос» взвыл — с надрывом, будто напрягаясь из последних сил. Лампы мигнули, но выдержали. Пол завибрировал сильнее прежнего, и дрожь поднялась от ступней к позвоночнику.

А потом Марк вскрикнул.

Не от боли — от неожиданности, смешанной с ужасом. Он схватился за нос, и между пальцев хлынула алая кровь — слишком жидкая, слишком яркая. Она закапала на пульт, на клавиатуру, на его одежду, и он смотрел на неё как на чужеродную субстанцию.

— Марк! — Элина бросилась к нему.

— Я... в порядке, — прохрипел он, но голос срывался. — Просто перегрузка. В голове... будто лопнуло что-то.

Он попытался встать, ноги подкосились, и он рухнул обратно в кресло. Кровь текла по подбородку, собираясь в тёмные маслянистые лужицы на пыльном полу.

— Лена! Аптечку, быстро!

Лена метнулась в коридор и вернулась с ржавой коробкой. Элина выхватила бинт, прижала к носу Марка, запрокидывая ему голову.

— Держи и не двигайся.

Марк подчинился, но в его расширенных зрачках плескался страх — не за себя, за послание. За имена, которые уже были в голове у Градова.

На мониторе светилось: «СИГНАЛ ОТПРАВЛЕН. КВАНТОВЫЙ ПАКЕТ ДОСТАВЛЕН».

— Ушло, — прошептал Аркадий, вцепившись в трость. Лицо его было серым, как бетон.

— Какой ценой? — спросила Элина.

Старик не ответил.

Кровь остановили через полчаса. Марк лежал на койке, бледный, с тампоном в носу, и смотрел в потолок. Элина сидела рядом, проверяя пульс — слабый, неровный.

— Это объём, — сказал Аркадий от двери. — Третье послание слишком тяжёлое. Квантовый канал не рассчитан на такой поток. Марк принял часть отдачи на себя.

— Он будет жить?

— Будет. Но ему нужен отдых. Минимум сутки, лучше двое.

— У нас нет двух суток, — прошептал Марк, не открывая глаз. — Консорциум...

— Ты сделал достаточно. — Элина поднялась. — Отдыхай.

Она вышла и направилась на верхний уровень. У смотровой щели дежурил Свен, прижавшись плечом к холодной стали двери.

— Что видно?

— Та же группа. Шесть человек. Не приближаются. — Он помолчал. — Двое возились у поворота. Похоже, ставят ловушки. Растяжки.

Осада. Элина сжала кулаки.

— Сколько у нас еды?

— На три недели, если экономить. Воды — на десять дней. Патронов — на два коротких боя.

— А если они не уйдут?

Свен обернулся, и в его глазах не было страха — только холодный расчёт.

— Тогда мы умрём здесь. Или они там. Третьего не дано.

Трое суток они не выходили наружу. Время снова замедлилось, растянулось резиновым жгутом. Люди ели, спали, дежурили, смотрели в стены и ждали. Ждали, когда уйдёт Консорциум. Ждали ответа из прошлого. Ждали чуда.

Элина часами стояла у смотровой щели, вглядываясь в пустошь. Серые фигуры перемещались на границе видимости — появлялись и исчезали, как призраки. Они не атаквали. Просто были там, и в этом молчаливом присутствии крылось что-то более страшное, чем любая атака. Они знали, что время на их стороне.

На третьи сутки Свен заметил тонкие проволоки, натянутые поперёк тропинок. Растяжки. Если кто-то попытается выйти — подорвётся.

— Зачем? — спросила Элина. — Зачем просто держать

нас здесь?

— Может, ждут подкрепления. Может, хотят взять живём. — Свен пожал плечами. — Может, просто играют.

Она не знала ответа, и это было хуже всего.

А в лаборатории «Гелиос-4» продолжал гудеть, и на его мониторе, среди диагностических данных, зрела новая аномалия — микроскопическое искажение, которое Аркадий пока не мог расшифровать. Эхо четвёртого послания, которое ещё не было отправлено.

Алексей Градов сидел в квартире на Бикон-стрит и смотрел на список, переписанный на отдельный лист. Двенадцать имён. Двенадцать человек, которые, если верить голосу из ниоткуда, несли ответственность за вирус «Химера-7», уничтоживший — в каком-то другом времени, другой реальности — девяносто процентов человечества.

Лист лежал на столе, придавленный пустой кофейной чашкой. Бумага была мятая, с загнутыми уголками — он таскал её в кармане, перечитывая, словно надеясь, что слова исчезнут. Но они не исчезали. Ампулы с маркировкой «Химера-7. Образец В», спрятанные в чемодане под кроватью, были слишком реальны, чтобы считать всё это бредом.

Головная боль стала почти привычной — тупая, ноющая, пульсирующая за правым глазом. Иногда, при резком повороте головы, перед глазами вспыхивали чёрные точки.

— Полковник Дуглас Харрис, — прочитал он вслух. —

Пентагон. Отдел биологической безопасности.

Это имя он знал. Не лично — журналисты его уровня не общались с полковниками из Пентагона, разве что на пресс-конференциях, где раздавали готовые ответы на одобренные вопросы. Харрис был высок, сухощав, с лицом, вырезанным из гранита тупым ножом, и монотонным голосом. Человек, сделавший карьеру на биологической безопасности — и, судя по всему, на биологической опасности тоже.

Градов взял со стола зернистую фотографию — он распечатал её ночью в копировальном центре, расплатившись наличными. Полковник выходил из Пентагона: фигура, затянутая в форму, напоминала натянутую струну — никаких лишних движений, никаких эмоций.

— С тебя и начнём, — прошептал Градов, убирая лист в карман.

Оделся тщательно: джинсы, тёмная рубашка, старая кожаная куртка. В рюкзак лёг фотоаппарат с длиннофокусным объективом — тяжёлым, как кирпич, и почти таким же дорогим, — диктофон, блокнот, вода, сэндвич в фольге, складной нож и пачка сигарет, хотя он бросил курить два года назад. На всякий случай.

В 06:15 он выехал из Бостона. Машина чихнула, закашлялась, но ожила. Улицы были пусты, город спал в сером предзвездном тумане. До Вашингтона — около семи часов. Градов не любил этот город, похожий на гигантскую декорацию, за которой люди, принимающие решения, никогда

не видят тех, на чьи жизни эти решения влияют.

К двум часам дня он уже парковался в Джорджтауне, в квартале от дома Харриса. Старые кирпичные особняки, ухоженные газоны, голые мартовские деревья — чистота, почти стерильная. Градов прикрутил объектив и стал ждать.

Ожидание было самой тяжёлой частью. Часы тянулись, и каждая минута казалась часом. Он смотрел через объектив на трёхэтажный дом из красного кирпича с белыми ставнями и задёрнутыми шторами, на закрытые ворота гаража.

В 17:42 ворота открылись, и выехал чёрный седан без опознавательных знаков. За рулём — человек в форме. Полковник Харрис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.